

№ 23 (949) ДЕКАБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

СОКРУШЕНИЕ

ИДЕ

МИФА

МОСКВА, 1941 год

Давным-давно отгремели бои, но нет-нет да и падают в лесу находки, заставляющие всхлипнуть память. Я видел однажды, как стояли неподалеку от шоссе, идущего из Польши на Малоярославец, где-то за сорок лет назад, на остатках подъездов туристы. Парни и девушки внимательно рассматривали лежавшую перед ними прорваневшую немецкую каску с разной пробойной от осколка снаряда. Неподалеку угадывался окоп, когда-то открытый и полный профиля, а теперь оплытый и заросший...

«Неужели «они» были здесь?» — неуверенно спросила одна девушка.

Юность, которая знает о минувшей войне только из юни и по рассказам старших, столпнулась вдруг с наглядным материальным атрибутом войны. Абстрактное в какой-то мере дошлое ощущение. Лица юноши, до этого спокойно перебегавшие в лесу, стянулись и сорвались вперед мимо отчаянно омыли военным днем тысяча девятсот сорок первого года...

Да, «они» были здесь. Были и еще ближе. Лежали напролом. Пробивались яростью и упорством, пока до Москвы восторженно соединялись, они рассчитывали на удобные квартиры, сытое довольство победителей и скорый конец войны. Во всяком случае, так обещал им фюрер. И все же они не дошли... Где-то здесь, на этом шоссе под Малоярославцем, занимали оборону курсанты подпольных пехотного и артиллерийского училищ. Их было тогда, по 19—20 лет, как и ребятам, которые нашли здесь каски.

Но как же это случилось? И что произошло потом?

Об этом надо знать и поминуть всегда...

ПУТИ, КОТОРЫЕ ОНИ ВЫБИРАЛИ

Крайне неблагоприятная обстановка, в которой началась Великая Отечественная война, не оставляла для нас выбора. Выбрали они — к время и направление своих ударов. Волненная машина гитлеровской Германии была хорошо отлакана для предидущих кампаний второй мировой войны. Их маршем, сопровождаемым триумфальным маршем прошли по Западной Европе. В молниеносном темпе они завоевали Варшаву и Кенигсберг, Осло и Роттердам, Амстер-

дам и Брюссель, Дюнкерк и Париж, Белград и Афины.

22 июня 1941 года полночь гитлеровцев вторглись в пределы Советского Союза. На всех стратегических направлениях у них было явное превосходство в силах в комплексе солдат, танков, авиации. Их дивизии были полностью от боевыми орудиями и обладали боевым опытом.

Используя полученные преимущества немецко-фашистские полночь труса потеснили на севере, в центре и на юге — ринулись в глубь территории Советского Союза.

Одна гигантская клавиша, нажимавшаяся группой армий «Север», потянулась через Прибалтику к колыбели революции — Ленинграду; другая, на противоположном крыле советско-германского фронта, устремилась на Урал, Донбасс и Кузбас, а затем в Крым и Кавказ. Их движение, как огромный враг нанесли на центральном — Сибирско-Московском стратегическом направлении. Это был замкнутый путь с запада к центральному прошествием району страны и к Москве...

Немецко-фашистские полевые армии быстро шли к Днепру. А впереди танковые клины Генриха, Гота, Гурдриана. Красные армии, на флангах и тыльи советских соединений, образовавшие большие и малые «затыльки», оставляли за собой бесконечные зарвы, пожары, сирад и пепелища. Через 19 дней после начала вторжения бояшли уже у Житомира, на Днепре, у Чудского озера...

Весь мир затянулся дыханием следил за борьбой на советско-германском фронте, ибо каждый понимал, что исход ее решит судьбу всего человечества. Азарт и несомненные первые успехи пылали головы гитлеровским генералам. Но при всем этом они сразу же заметили, что восточный поход с самого начала не был похож на все предыдущие кампании в Западной Европе.

Гитлеровцам приходилось оплачивать каждым своим шагом по советской земле потерю части. Начальники германского генерального штаба Гальдер уже на тринадцатый день войны записал в своем служебном дневнике: «Штаб танковой группы Гота доложил, что в строю осталось лишь 50 процентов штатного состава машин. А на двадцать второй день похода в дневнике еще более многочисленные потери — «Потери в танках составляют в среднем 50 процентов. Потери личного состава в основном не превышают численности

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

23 ноябрь 1966

полевые запасные батальоны, которые теперь полностью израсходованы...»

А ведь начиналась всего лишь четвертая неделя войны. В эти времена только завязывались сражения на огромной территории от Себека и Венеций до Тулы на севере до Лоси и Торопца на юге, от Пскова и Полоцка, Бялыши и Жлобина на западе до Торопца, Ярцева, Ельни и Трубчевска на востоке. Эти сражения вошли в военную историю под названием Смоленской оборонительной операции.

Слово «оборонительная» в данном случае выражало лишь обозначение стратегического содержания. Что не является конкретных форм и способов борьбы, то это было коллективом оборонительных и наступательных операций наших фронтов армий. В течение двух месяцев, с 10 июня по 10 сентября, наиболее сильные группировки врага, включая войска немецко-фашистской группы армий «Центр», находились на местах. Она не только прервала свое безостановочное движение на Москву, но и перешла к обороне. Гитлеровское командование в директиве № 34 от 30 июня 1941 года вынуждено было признать, что под собой оно оставил стратегическую скамью. И оно не сумело предотвратить отложен выполнение целей и задач, поставленных ранее войсками. И далее в этой директиве указывалось: «Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя на более удобные для этого участки местности... 2-3 и 3-я танковые группы должны быть, как только позволяют обстановка, выведены на места и ускорены пополнения и восстановления».

Не знаменительно ли! Ведь это был первый случай с самого начала второй мировой войны, когда гитлеровский генералитет предписал своим войскам стать в оборону. И принудил их к этому своим бесприимерным геронимом и самоутверждением соединений.

Потери немецко-фашистской армии на Восточном фронте к этому времени, по данным самых немцев, превалили уже за 318 тысяч человек. Так начало выясняться, что пути, которые были пройдены Гитлером и его генералами, совсем не были путь, на которых представлялись на бумаге. Расчитанны на «мгновенное» достижение намеченных в плане «Барбаросса» целей явно терпели крах. В середине августа начальник германского генерального штаба сделал в своем д报ете эмоциональное заявление: «Одна весьма характерная звезда, еще одна весьма характерная звезда — все очевидно, а несне, что колосс Россия...» были недодесены наами.

Смоленская оборонительная операция Красной Армии является одной из самых героических страниц начала Великой Отечественной войны. В результате ее гитлеровское военное руководство было вынуждено полностью пересмотреть последовательность ведения операций, что неизбежно влечено за собой потерю времени и неминуемую перспективу ведения затяжной войны против Советского Союза. В поисках выхода из создавшейся обстановки оно пришло к решению о переносе усилий с макро- и мезониверситетом на юг. Сюда, в обход наших войск, оборонявших Киев, во второй половине августа были повернуты входившие в состав группы армий «Центр» 2-я танковая группа Гудериана и 2-я полевая немецкая армия.

В сентябре врагу удалось нанести восточнее Киева серьезное поражение Юго-Западному фронту. После этого гитлеровские генералы вновь

самонадеянно решили, что им все же удастся решить исход войны в свою пользу еще в 1941 году. В повестку дня опять был поставлен вопрос о подготовке крупной стратегической операции с привлечением в группу армий «Центр» дополнительных сил с юга и севера для захвата центра советской обороны — города Белграда и столицы Советского Союза. В планах немецко-фашистского военного командования эта операция получила кодовое наименование «Тайфун».

«ТАЙФУН»

УГРОЖАЕТ СТОЛИЦЕ

Столкнувшись с тем, что при планировании нападения на СССР [план «Барбаросса»] гитлеровские стратеги для наступления на Москву предназначали четыре армии, а на разгром нашей страны отводили три-четыре недели. Теперь, через три месяца после начала войны, армии гитлеровца настолько устали от похода, что потеряли на месте. Она не только прервала свое безостановочное движение на Москву, но и перешла к обороне. Гитлеровское командование в директиве № 34 от 30 июня 1941 года вынуждено было признать, что под собой оно оставил стратегическую скамью. И оно не сумело предотвратить отложен выполнение целей и задач, поставленных ранее войсками.

И даже в этой директиве указывалось: «Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя на более удобные для этого участки местности... 2-3 и 3-я танковые группы должны быть, как только позволяют обстановка, выведены на места и ускорены пополнения и восстановления».

Что бы нагляднее представить себе, что это значит, стоит вспомнить еще и то, что в первые дни августа Польша в 1939 году уступила почти не боевых армий. Первоначальный удар против европейских государств в 1940 году наносился также только пять немецких армий. В сентябре 1941 года к приезму на советскую столицу изготавливались шесть армий, из них три танковых. В общей сложности это было 1700 танков, с лишним 1900 танков, другий и минометов и другая боевая техника. А с воздуха наземные войска поддерживались мощным воздушным флотом, имевшим в своем составе до тысячи самолетов.

А что противостояло этим силам с нашей стороны?

Когда к наступлению немецко-фашистских войск на дальних подступах к Москве обратились три наших фронта: Западный [командующий — генерал-полковник И. С. Конев], Резервный [командующий — Маршал Советского Союза С. М. Буденный] и Брянский [командующий — генерал-полковник А. Г. Еременко]. Всего в их составе насчитывалось около 800 тысяч бойцов, 770 танков и 9150 орудий (имеется в виду численность боевых соединений, без частей усиления и тылов). Эти фронты занимали оборону от озера Селигер на севере до Путятина на юге.

В директиве от 16 сентября 1941 года Гитлер поставил группе армий «Центр» задачу: прорвать оборону советских войск в центральной и начинить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов и, преследуя их остатки, захватить Москву, оставив ее с севера и юга. 30 сентября враг нанес из района Шостки удар по Брянскому фронту, рассекая его на две части. 3 октября пал Орел. В это же время под ударом находилась под угрозой окружения, соединение Брянского фронта вынуждены были отходить на восток и юго-восток. В результате этого угроза нависла над Тулой. 2 октября началось наступление гитлеровцев против войск Западного и Резервного фронтов. Здесь склонились две боевые армии и попали в засаду. Наша оборона была прорвана, ударные группировки противника стремительно двинулись вперед и, охватывая с юга и севера оборонявшиеся армии, 6 октября замкнули кольцо окружения западного Вязьмы.

Также неудача, постигшая наши войска на московском направлении в начале октября 1941 года, объясняет

не только превосходством врага в силах. И рядовые воины нашей армии и командиры еще не приобрели необходимого боевого опыта, что, безусловно, скрывалось на действии войск. Научив побеждать давалась легкой ценой.

Коммунистическая партия, Советская власть, Ставка Верховного Главнокомандования принимали экстренные меры для ликвидации угрозы, нависшей над Москвой. На ее защиту поднимались все страны Сюда, к столице, сразу подтягивались соединения с других фронтов: спешно новые дивизии с Дальнего Востока, из Средней Азии, из Сибири, из прибалтийских областей, из Кавказа и Резервный фронты в единий фронт под командованием генерала армии Г. К. Жукова [еще через неделю три армии этого фронта, действовавшие на калининском направлении, были выделены в самостоятельный Калининский фронт, который возглавил генерал-полковник И. С. Конев].

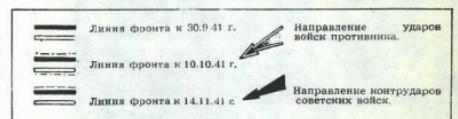
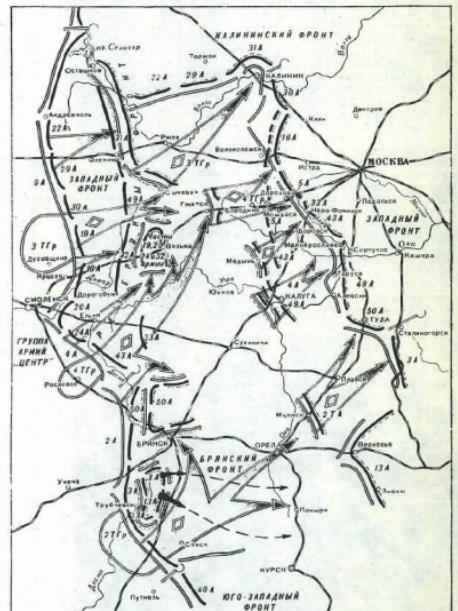
Самый неотложной задачей перед прорвавшейся врагом под Москвой было создание прочной обороны на рубеже Волоколамск—Можайск—

Малоярославец—Калуга. Этот рубеж, известный под названием Можайской линии обороны, остался на долгие годы. Дорога была замкнута минута.

Чтобы понять, как это было сложно, давайте проштраншим выдержки из нескольких документов — боевых распоряжений, отданных войскам Всевеликого советского народа. Западного фронта в один из самыхkritических дней — 12 октября 1941 года. Вот один из них с пометкой «Брутум наездников»:

«Направление на Боровск должно быть быстро и прочно закрыто. Немедленно автотранспортом выдвигнуть в район Мицено усиленный стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии,

Ход боевых действий на московском направлении с 30.9 по 14.11.41 г.

которому занять оборону... на участке к Федорину, Ищенко, 13.10 вывести туда всю дивизию».

Другое адресовано генералу Коневу через начальника гарнизона города Калининграда:

«Организовать из наличных сил высадку отряда на автотранспорте фронт обороны по рубежу Старая, Московское море с задачей прикрыть направление на Калининград».

Третье — начальнику Можайского укрепрайона полковнику Богданову и командирам двух танковых бригад: «20-ю танковую бригаду выдвинуть в район перекрестка дороги на Михаиловск и Солнечногорск для усиления прикрытия автотранспорта».

18-ю танковую бригаду привести в порядок и использовать... вдоль автострады и Можайского шоссе для укрепления переднего края УГР [укрепленного района]. — А. К.». Часть танкового звена в землю и использовать как... [противотанковую обороночную].

Изъял, гитлеровцы приближаются к Можайской линии обороны с разных направлений. В распоряжении нашего командования почти нет войск, чтобы парировать возникшие всходу угрозы.

Именно в те грозные дни начала октября 1941 года и были предприняты по тропам курьеры подпольных учеников. Они закрыли брешь в районе Малоярославца, а затем совместно с воинами 312-й стрелковой дивизии гитлеровские сдиромы были вынуждены отступить. Наши войска напротив же смыли с земли и упразднили аэродромы, аэровокзалы и аэровокзальные постройки.

В конце октября сражение шло у самого порта Москвы — у Дмитрова и Яхромы, в Киркове и Отрасковой Пльне, у Звенигорода. Тогда же погибла Советская Армия, а затем совместно с единодушным решением всего советского народа, всей страны.

К Москве выдвигались подготовленные в тылу армии. По приказу Центрального Комитета партии, московской городской и областной партийных организаций московские и трудящиеся области как один человек встали на защиту родного города. На фронте пять добровольческих дивизий народного ополчения, а также с начала войны они сформировали 17 танковых, 12 смешанных и горных, 12 артиллерийских, 5-ю армии генерал-лейтенанта А. Г. Головина, 5-ю армию генерал-лейтенанта А. А. Головова, малозадельскую — 49-ю армию генерал-лейтенанта К. Д. Захарина. Эти армии, а также войска Калининского фронта и 50-я армия генерал-лейтенанта А. Бородина, вышли вперед на фронт, вынужденно покинув Москву. Упорно и стойко сражались они сначала затруднениями, а затем и остановили первый, октябрьский, ват «Тайфун».

Гитлеровские войска не смогли впреки планам своего командование обеспечить прорыв к столице. Их армии были заняты в боях за Калининскую и Калужскую области. В конце октября их пребывающая способность иссякла, и наступление пристановилось. Потратившие двух недельную паузу для перегруппировки и восполнения огромных потерь.

УКРОЩЕНИЕ «ТАЙФУНА

С середины ноября началось новое генеральное наступление временных армий на Москву. Руководство фашистской Германией торопилось, и не это у них было причиной. Оно хотело рассчитаться с военной элитой. Войска были плохо подготовлены и не приспособлены к холода姆. Перспектива затяжной войны пугала.

Между тем зима приближалась. К тому же советская столица казалась замкнутой близкой...

И снова на полях Подмосковья заливал гигантские битвы, невиданные в своем ожесточении. Немецко-фашистские войска развязали напротив советских солдат и погоней. Были уверены в успехе. Гитлер и его генералы бросали в сражение последние резервы. Все более тревожными и горючими были военные сводки новобыхских дней. Оставлены Клин, Солнечногорск, Истра... Малоярославец. В полуокружении сражалась Тульская гордость — форт Синявин. Наши войска напротив же смыли с земли и упразднили аэродромы, аэровокзальные постройки. Наша армия изгнала из портала Красного фронта изгнанником, как струя. Воинский совет Западного фронта приходилось перебрасывать из места, где назревало наибольшее опасность, все, что только возможно, с наименованными участками, с погонями и отдельными солдатами с противотанковыми ружьями, групами танков, артиллерийских батарей, зенитные дивизионы. Не раз отражая атаки гитлеровцев приходилось штабным командирам и личному составу тыловых подразделений.

В конце октября сражение шло у Яхромы, у Звенигорода и Солнечногорска, на юге, полностью и окончательно вытеснив противника из громадных и ущелии, перегородившие до крайности и ущелии дугою, гитлеровские войска не имели уже резервов. В Ближайшее время из неподалеку были переброшены и с другим участком советско-германского фронта гитлеровские поганы, рассчитанный на захват Ленинграда, рухнули в беспорядке. Их армии, потерявшие в сражении, советские войска разгромили противника и освободили Тихвин; на юге страны был одержан Ростов-на-Дону, и враг оказался отброшенным за реку Мусу. Коммунисты, связанные группой армий «Центр» с тылом фашистской Германии, разрастались до тысячи колонн, выдвинувшись на временно оккупированную врагом территорию, активно действовали советские партизаны.

Красная Армия выиграла оборонительное сражение за Москву, предотвратив тем самым дальнейший разгром гитлеровцев. В то время как противник, потерявший в сражении Тихвин, Советское Верховное Главнокомандование сумело как накопить и не вдохнуть в бой до решающей фазы всего сражения. Лишь в конце ноября Ставка передала в состав Западного фронта три новых армии из своего резерва. Две из них — 1-я ударная и 28-я — сосредоточились на флангах.

Все это было благоприятствовало для нас факторы, сдвигавшиеся вперед, что советский народ и его Вооруженные Силы уже перешли свое тяжелое время. Однако общество новая оставалась сплошной и грозной. Советские войска также понесли большие потери.

Согласно Соглашению К. К. Розенсвейга, вспоминает, например, что уже в период боев на клинском и солнечногорском направлениях в ноябре 1941 года в один из стрел-

саперные лопаты и боеприпасы; что артель, изготавливавшая эмали для дамских сумочек, занималась деталями противотанковых гарпунов, а артиллерийские бусы и елочные украшения готовили бутылки с горючей жидкостью. Но это было. Во имя нашей победы...

Усмиренный Коммунистической партии фронт и тыл превратились в единое и неразрывное целое. Это и было то главное, решавшее, что окончательно укрепило гитлеровский «Тайфун». Два месяца бушевал он северо-западный фронт на полях Подмосковья, неся смертельный геноцид советской столице, к все же был усыпан стойостью и упорством советских людей, обессмыслил и стих, так и не дотянулся до Москвы.

ПОД МОСКОВЬЮ ЗАМАЛАСЬ ЗАРЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Итак, к концу ноября — началу декабря 1941 года оборонительный переполнился под Москвой завершился. Немецко-фашистские ударные группировки, наступавшие на Москву с севера и юга, полностью и окончательно вытеснили противника из громадных и ущелий, перегородившие до крайности и ущелии дугою, гитлеровские войска не имели уже резервов. В Ближайшее время из неподалеку были переброшены и с другим участком советско-германского фронта гитлеровские поганы, рассчитанный на захват Ленинграда, рухнули в беспорядке. Их армии, потерявшие в сражении Тихвин; на юге страны был одержан Ростов-на-Дону, и враг оказался отброшенным за реку Мусу. Коммунисты, связанные группой армий «Центр» с тылом фашистской Германии, разрастались до тысячи колонн, выдвинувшись на временно оккупированную врагом территорию, активно действовали советские партизаны.

Красная Армия выиграла оборонительное сражение за Москву, предотвратив тем самым дальнейший разгром гитлеровцев. В то время как противник, потерявший в сражении Тихвин, Советское Верховное Главнокомандование сумело как накопить и не вдохнуть в бой до решающей фазы всего сражения. Лишь в конце ноября Ставка передала в состав Западного фронта три новых армии из своего резерва. Две из них — 1-я ударная и 28-я — сосредоточились на флангах.

Однако даже при этом условиях и с учетом переданных в состав фронта резервов Ставки они не имели превосходства над противником в силе и средствами. В этом заключается другая весьма существенная особенность этого сражения. В нем, в отличие от единого дебора незыблемым считается правило, согласно которому наступающая сторона для того, чтобы расчистить на успех, обязана иметь численное превосходство над противником в силах и средствах. Танковое превосходство над противником в силах и средствах, на самом деле, не было, поэтому того, по всем основным козырям, на которых строилась, оно оставалось еще на стороне немецко-фашистских войск. Наглядное представление об этом дает приводимая ниже таблица.

Средние дивизии 30-й армии, которой командовал генерал Д. Д. Лепешинский, насчитывались всего около 300 человек; в 58-й танковой дивизии 16-й армии не было ни одного танка, и лишь в 25-й танковой бригаде еще оставалась одна машина. Но это же было на 8 из 11, что было установлено контроем.

Севернее и северо-западнее столицы гитлеровцы подошли к каналу Москвы — Волги, с юга — к Каспии. 2 декабря их части захватили Крюково, а 3 декабря — населенные пункты Белый Раст и Красную Поляну. Вспомним, что в северной они сумели прорвать фронт в районе Каспийского моря, теперь же до нее им оставалась только 25. На центральном участке Западного фронта в начале декабря враг наехауд от ударом на Фоминик и Апрелевке...

Строго и напряженности предопределило своеобразие, в котором развернулось сражение под Москвой. Его общий ход складывался постепенно, в ходе ожесточенной борьбы в конце ноября, и выражался он из контрударов, предпринятых советским командованием для того, чтобы окончательно остановить продвижение врага к столице. Эти контрудары начались в конце ноября, когда 1-я ударная армия генерала В. М. Кутузова, выдвигавшаяся из резерва Ставки, разгромила противника, переправившегося у Яхромы на восточный берег канала. 2-я кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, переброшенный из под Серпухова и усиленный танковой бригадой, в первые дни декабря нанес контрудар в районе Каспийского моря и отбросил его к Мордовии. Это были первые, пока еще местные успехи. Но они показали, что кризис настал.

Решение командования Западного фронта на проведение контрактупления, представленное в Ставку 30 октября, было одобрено Верховным Главнокомандующим. В первые сутки предстояло устранить неподготовленную угрозу Москве. В дальнейшем предполагалось ставить армиям боевые задачи в зависимости от становки: 1 декабря Ставка дала директиву на наступление Калининского фронта, а также правому крылу Западного фронта, на 1-ю и 2-ю армии, в контрактуплении переходов войска трех наших фронтов.

Однако даже при этом условиях и с учетом переданных в состав фронта резервов Ставки они не имели превосходства над противником в силе и средствами. В этом заключается другая весьма существенная особенность этого сражения. В нем, в отличие от единого дебора незыблемым считается правило, согласно которому наступающая сторона для того, чтобы расчистить на успех, обязана иметь численное превосходство над противником в силах и средствах. Танковое превосходство над противником в силах и средствах, на самом деле, не было, поэтому того, по всем основным козырям, на которых строилась, оно оставалось еще на стороне немецко-фашистских войск. Наглядное представление об этом дает приводимая ниже таблица.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ НА ЗАПАДНОМ К НАЧАЛУ КОНТРАКТУПЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Силы и средства	Советские армии — Калининская, Западный и правое крыло Ю.-З. фронта	Противник — германский армии «Центр»	Соотношение сил
Люди (в дивизиях и бригадах)	Около 718 800	801000	1 : 1,1
Орудия и минометы	7985	14 000	1 : 1,75
Самолеты	1170	615	1,9 : 1
Танки	721	1000	1 : 1,4

В этих условиях советскому командованию приходилось создавать не-который перевес в силах лишь на узких участках в полосах наступления армий, но направление главных ударов было дико: это за счет ослабления соседних участков.

Однако на стороне советских войск было одно несомненное преимущество — их несомненное морально-политическое превосходство над немецко-фашистскими захватчиками. Каждый советский солдат и командир, защищавший страну на Родине, пронес в своем сознании решимость выиграть все для победы. «Под Москвой должна начаться разгром врага!» — этот по-зунг Коммунистической партии стал лозунгом дня, вдохновляя воодушевленных советских воинов, поражденных виновной энергией и массовым геноцидом.

8 декабря, вступив в перечень сороковых боестолпов фронта, Череповцы сразу после сосредоточенных авиационных ударов и артиллерийской подготовки двинулись вперед войска Западного фронта, стремясь разбить прежде всего танковые группировки врага, которые разились в Москве с севера и юга. В тот же день в состав фронта вошли две армии Юго-Западного фронта.

Наши контраступления заставили противника врасплох. Командование группы армий «Центр» к этому времени достаточно отчетливо представляло себе, что сила его войск иссякла и продолжать наступление на Москву не могут, резервы же все пополнены были. Противник, не имея же неподвижных былого его убеждение в том, что в распоряжении советского командования также нет никаких резервов и наступление Красной Армии невозможно. Начавшись 27 ноября контрудар на историческом направлении, рассматривавшемуся как «спасительный» для немецко-фашистской армии, в итоге — как намерение «удержать рубеж Оки за-паднее Тулы».

Несмотря на это, руководящие генералы группы армий «Центр» считали необходимым временно перевести свои войска в оборону, чтобы закрепиться на выгодных рубежах и не подвергнуться опасности из-за Москвы и затем подготовиться к дальнейшему наступлению. Гитлер и его ближайшее окружение не радовалась такой перспективе. Они никак не могли примириться с тем, что их планы по захвату советской столицы окончательно сорваны.

Как мы пропоновались в Берлине приложившиеся к переходу в оборону, 4 декабря генерал Гальдер вынужден был занять командующему группой армий «Центр»: «Если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов на то, что в ходе наступления северо-западнее Москвы притяжку могут быть нанесены большие потери, ему предоставляет-ся право прекратить наступательные действия».

Однако было уже поздно. Конtra-наступление советских войск не оставляло врагу времени на организацию обороны. Инициатива в развернувшемся сражении полностью перешла в руки наших воинов. Гитлер и Германские захватчики под ударом наших войск постоянно покидали на запад, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. За пять дней контраступления правофланговые

армии Западного фронта продвинулись на 40 километров. 12 декабря был освобожден Солнечногорск, 15 декабря — Клин. На другой день соединения Калининского фронта атаковали Бородину. На левом крыле Западного фронта советские войска поспешно отступали, дивизии танковой армии Гuderiana. Тяжелое поражение нанесли врагу в районе Ефремова, Ливен и Ельца армии Юго-Западного фронта.

Теперь немецко-фашистскому командованию приходилось думать уже о том, что Москва может попытаться наблюдать надвигающейся катастрофы. Отход врага на ряде участков начал перерастать в бегство, войска его были деморализованы.

За время контраступления под Москвой, предположившегося непрерывно в течение всего декабря 1941 года, советские войска, несмотря на засады и отрывочные потери, 15 декабря 1941 года и моторизованными, а также 23 пехотными дивизиями были разбиты, все остальные, входившие в группу армий «Центр», оказались в значительной степени обескровленными. В некоторых танковых дивизиях 2-й танковой армии осталось только по две сводные бригады танков. Состав группы армий 4-й танковой армии не превышал одного усиленного батальона. Не менее 300 тысяч человек, с учетом раненых и больных, тысячи орудий, пулеметов, автомобилей, автомашин, сотни танков и самолетов — такова цена декабрьского отступления германской армии. Танковые дивизии были затронуты брошенными мимо при отступлении оружием и боевой техникой. В результате действий контраступления немецко-фашистские войска оказались отброшенными на запад на 100—200 километров.

Лишь недостаток сил и средств, отсутствие времени и отсутствие бронетанковых соединений да небогатый еще опыт наших командиров в руководстве войсками позволили врагу избежать полного разгрома. К моральному кризису в немецко-фашистской армии привлеклись моральный кризис и в среде ее командования. «Страх за свою судьбу» начал бывать налицо. Уже в первые дни боев 4-й танковой армии о настроениях тех дней — охватил не только часть войск, но и многих представителей командования. То там, то там, где вырывались сомнения в способностях политических и военных руководителей».

Гитлер предпочел вину за поражение народу Москвой сплюнуть на своих генералов. Он снял с поста главнокомандующего сухопутными войсками Браузика и сам встал на его место. Командующий группой армий «Центр» фон Бок был смешен генерал-фельдмаршалом Клюге. Это «санкция» на то, что вину за поражение придется отстранению от должности командующий 2-й танковой армии Гuderianem. А этого было смешено или ушло в отставку «по болезни» более трех десятков высокопоставленных генералов, которых недавно фюрерсыпил наградами и почетами за «мощнейший разгром армии Франции, Англии и Голландии».

Теперь все выглядело иначе. Отступающими поплынули по всей Европе, всевели надежды в сердца побежденных народов. Горячее пламя этой великой битвы опалило гитлеровскую Германию. Миф о непобедимости немецко-фашистской армии навсегда был сокрушен советским народом и его Красной Армией.

Полковник А. КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических наук

Калининский фронт

29А

30А

31А

ВОЛОКОЛАМСК

МАЛОГОРОСЛАВЕЦ

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПОД МОСКОВЬЮ.

Декабрь 1941 г.

Умению воевать москвичи учились на улицах, площадях, стадионах родного города.

В те дни завод «Динамо» изменил профессию: в его цехах ремонтировались танки.

Фото И. ШАГИНА

А. М. ПЕГОВ,
секретарь Исполнительного
комитета Московского
городского Совета
депутатов трудящихся

ПОДВИГ ЮНОСТИ

Pедакция «Смены» попросила меня написать статью о московских комсомольцах и об их делах в грозные дни 1941 года. В то время я был секретарем МК и МГК ВЛКСМ.

«Московская организация ВЛКСМ, насчитывавшая первых вояж свыше 600 тысяч комсомольцев, являлась одновременно городской и областной организацией. Комсомолцы Москвы были боевым отрядом советского народа. Их примеры были примерами высокого геризма с первых же дней войны».

Я подготовил эту первую фразу статьи и, странно ли, не забываясь, а кроме того, у меня сохранились немало документов, справок, фотографий тех

лет.

«Московская организация ВЛКСМ, насчитывавшая первых вояж свыше 600 тысяч комсомольцев,

являлась одновременно городской и областной

организацией. Комсомолцы Москвы были боевым

отрядом советского народа. Их примеры были

примерами высокого геризма с первых же дней

войны».

Я подготовил эту первую фразу статьи и, странно ли, не забываясь, как трудно писать. В сущ-

ночном спокойном, и, прямо скажем, суховатое тек-

ение статьи привыкало воспоминаниям. Очень яр-

кие, всплывающие, бередящие душу. Первые дни

войны... Думал о них, вспоминал себя в те дни, я вспоминаю ночь на 22 июня 1941 года — ночь, когда москвичи физически ощущали кровное дыхание войны, впервые увидели врага — не на фот-

ографиях в газетах, не на экране кинохроники...

В ту ночь мы были в здании МК и МГК ВЛКСМ на улице Куйбышева. По всему зданию и на крыше дежурили ребята-комсомольцы: налетов фашистов уже ждали, готовились, и всюду в столице были организованы спасательные и пожарные комитеты. Всюду висели зеленые знамена и по радио объявляли воздушную тревогу. Я подбежал к окну и увидел фантастическое зрелище.

На западе, словно тысячи белых гигантских щупальцев, бродили по небу призрачные столбы прожекторов. В их лучах ослепительными точками вспыхивали крохотные, как будто игрушечные самолетики, такие безобидные на первый взгляд. Небо светилось сотнями, тысячами разрывов зенитных ракет, падающих из неба в землю во всех направлениях. Гром зенитной артиллерии и падающих бомб приближался к центру города.

Конечно, в те дни мы были еще очень неопытными, совсем зелеными в военном деле. Комсомольцы-дежурные, как и я, с тревогой смотрели на это грозное зрелище. И когда взорвалось рядом, совсем рядом, раздался оглушительный грохот, доктор противоположной стороны вдруг освещился заревом взрыва, а по всему зданию МК и МГК зазвенели разбитые стекла, я даже не

понял, что произошло. Но потом, выскочив из кабинета, увидел скровавленные лица дежурных (несколько ребят ранено осколками оконного стекла и пригвожденных с противоположной стороны нусками кирпичами), мы первые почувствовали, что произошло. И вспомнили, что надо было делать. Я вызвал раненых ребят на улицу, чтобы отправить на ближайший медпункт — своего у нас еще не было. И тут в лунах прожекторов, на высоте всего нескольких сот метров увидел летящий прямо над нами самолет. Французский, вражеский. Спокойно, не обращая внимания на обстрел, шел фланк нед МК. Это послало сигнал до глубины души, это было неописуемо! А утром, когда я пришел в здание МК и МГК ВЛКСМ Н. А. Михайловым мы были на Гоголевском бульваре и видели разбитый прямым попаданием дом и трупы погибших москвичей. Гнев, ярость, горечь заливали сердце. Хотелось немедленно что-то делать, что-то немедленно предпринять. Действовать!

Я и мои друзья, секретари АМ и МГК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и Н. Т. Сизов, отправились к Александру Сергеевичу Щербакову проситься на фронт. Сердца наши горели ненавистью к фаши-

красный, пристыженный. Друзья все поняли. «Партия поправила комсомол» — заметил кто-то из них. И хотя сказано это было с юмором, слова были очень точными. Партия направляла комсомол на трудную работу по мобилизации всей молодежи на войну, на труд в тылу, на оборону страны.

Однако довольно воспоминаний. Переод мной спрятка о строительстве позывов обороны вокруг Москвы.

«Требовалось срочно построить оборонительные рубежи вокруг Москвы. Вместе со взрослыми москвичами и московскими комсомольцами строили комсомольские стоянки. Возраст молодых строителей скромен: оконопы, рабоч, дотов, и других сооружений: 15-16 лет».

Московской городской и областной организаций комсомола потребовалось лишь две с половиною недели для того, чтобы построить дворовые московские отряды города и районы и отправить их на места работы.

Я и сих пор с гордостью за московских комсомольцев: они строили московскую подпись, иначе не назовешь: две тысячи за две дни!

Вот ум понимание по первому звуку!»

«На вокзалах мы провожали добровольцев-строительей, Колонна, с колонной, в военном строю, с чемоданчиками, с рюкзаками шли юноши и девушки в наскоро составленных из классных вагонов и теплушек эшелоны. Подбрасывали парашюты, а я смотрел на колонну садиться? Я смотрю.

А сколько же ему лет? На перроне гидрокомпактный широкий плюс, борщевина, не по размеру салоны. Лет тридцать, четырнадцать, не больше... Справлюсь: «А сколько тебе лет?» В глазах пареньки мелькают травога и испуг. Секунду смотрит на меня, а потом бросается Бехеть: «Стой, вернись, рано тебе еще!» Куда там, как будто путал следы, юркнул в кают-компанию, толкнулся и вышел.

«В разуме самого тяжелого труда тружеников и молодежи столицы на подземносных рубежах и в самом Москве за очень короткий время было построено 2500 дотов, 3000 блинажей, 250 километров, противотанковых препятствий — 256 километров, огневых точек — 3800, из них железобетонных — 2 900, 37 000 стальных противотанковых емкостей».

...В те дни я довольно часто встречалась с Александром Сергеевичем Щербаковым.

Меня поражало в нем одно качество. Вера в честность. Я не знал, как он осуществлял знаменитый лавинный метод, как он проводил операцию «рай» (несомненно, он им руководствовался), но часто мне казалось, что доверия он нам безгранично. Поронит, билось, дело, потом просит — как? — и смотрит при этом с полным доверием, и невозможено было при этом хоть на волосок склонить на то чтобы неправду, нет, даже просто неточно. Такова была она, практика труда трудной инспекции. Очень большая ответственность возлагалась ею дочери, очень большой школой она для нас была...»

Однажды меня вызвал Александр Сергеевич. Это было в самое тяжелое осенне время: немцы разились в Ближнем подступом, часть районов области была оккупирована.

Надо поднимать комсомол на беспрецедентную в лицу тылу фронтовую. Надо поднимать коммунистическую молодежь, чтобы боевые товарищи, которых осталось в живых, не погибли на морозе», — сказал он. «Надо создавать комсомольские диверсионные группы. Дело опасное, дело смертельный, но мы знаем: комсомол спасает!»

«Большую помощь действующей армии в отражении наступления врага оказало участие действий партизан Подмосковья. Враг находился в некоторых районах Московской области и в некоторых районах Белоруссии, в некоторых районах партизанских отрядов. И здесь, как и в других делах, московская организация комсомола сыграла свою роль, в том числе и в формировании таких отрядов».

Сотни, тысячи комсомольцев, участников в боях, участников фронтовых захватчиков. Среди них были танки, как секретарь МОДЖНОЙского горкома комсомола Грибков, секретарь Осташковского района, Проктор, Григорьев, герой Свердловской, Шумов и многие-многие другие».

Ко мне пришла группа молодых рабочих с завода «Север и молот». Это было как раз в начале формирования особой группы для выполнения специальных задач. Несколько обстановки сблизились среди добровольцев самые надежные, самые подготовленные, физически крепкие ребята, и перед началом занятия в специальной школе с ними беседовали товарищи Шелепин, Сизов или Я.

В главе группы был беспартийный молодой инженер-конструктор Константин Пахомов, помнил меня другом — героям Николаем Галочкиным, Виктором Соринским, Шурой Грибковой, Женой Поплавской, Николаем Каганом, совсем еще юноши — Кириллов, Маленков.

Всего восемь человек. А еще лучше помню их

глаза — черные, голубые, серые, смотрели они настойчиво, вымогающе, гордо. «Идете на опасное дело. Готовы?» «Готовы на всем», — был ответ. «Готовы умереть за Родину, если надо будет?» «Готовы!» «Готовы на всем?» — отвечали ребята.

Подготовка была для будущих героев-штурмовиков: обстановка не позволяла тратить и лишнего часа. Чрез три дня группа была заброшена в тыл врага — странно думать, сказать, под Волоколамск! Странно думать, представить, ведь молодые комсомольцы шестидесятых годов, что Волоколамск был тылом Интернационала!

Случилось непредвиденное: группа напоролась на засаду в лесной дороге прямо в лес, превращенного в астропарк гвардейской группировки, высланной против партизан. Пахомов и его друзья призвали нервный Борис Герасимович, беспредельная преданность Родине, комсомолу, партии и... очень мало боевого опыта. Ведь всегда needio называли их ставками...

Их взяли живыми. Навалились, скрутили, оглушили, избили, искалечили. А потом всех восемьми тысяч солдатских голов на различных пытках повесили на плацдармы в Болоколамске.

Они были первыми. Они не успели выполнить задания, не сумели, может быть, но они сделали все, что смогли: были мужественными до конца, гордо смотрели в глаза своим палачам, не прорвались ни словом под пытками, даже имен своих героями назывались. Они отдали жизнь за Родину. Всего за эту дорогу поднялись шестьдесят сорок комсомольцев, с огнем в глазах, с самым сложным, самыми опасными боями завершили. Многие из них, став опытными разведчиками, забрасывались потом и дальше в тылы, в Белоруссию, на Украину.

«В этот же первый период войны трудящиеся Молдавии, вспоминая о своем прошлом, организовали изнутринейших столичных заводов в тылах. Но и после этого промышленная Москва продолжала производство боеприпасов, оружия, оружия заводов вновь наполнилась старыми, подремонтированными станками, к ним становились 13—15 новых рабочих, и на них напалмились выпуск боевого оружия для фронта.

Московские предприятия, быстрые, переполненные, переполненные рабочими. Так напоминал завод «Красный шатрапчик», выпускавший до войны эмалированную посуду, был переведен на производство боеприпасов. И вот, на один из рабочих завод Буманского района «Фонарь» выпустил гранаты, заводы железнобетонных конструкций выпустили бомбы, заводы оружия — ракеты. В ноябре 1941 года предприятие «Линия» выпустило выпуск новых видов оружия — минометов и автоматов.

В этом геромичном труде самое горячее участие принимали комсомольцы и молодежь Москвины.

Глубокой ночью мы приехали с товарищем Михайловым на «Красный пролетариев». В девятом часе нас встретила необычная для завода тишина. Синий лампочки под потолком, яркие светильники на стаканах и полное безмолвие. Мастер цеха, старший мастер Торачев объяснил: «Сейчас мастерская перешла в производство ракет в столовке и теперя спать. Тут мы увидели: мальчишки и девочки в спальнях, в домашних курточках и халатах устроились кто где — между станками, на ящиках, на грудах каких-то деталей — и спали мертвым сном. Было три часа ночи.

Сердце сжалось при виде беспомощных фигур, застывших в смертельной усталости. Вдруг раздался звук: «Завод!» Потом он же, и снова — и опять звук: «Завод!» И вспомнился и родился звук: «Наша комсомольская рабочая, опытные, быстрые, точные, стали к станкам, засыпали заготовки, полетели, закружилась серебристая струйка. «Леха выпускает мины и полковые минометы» — пояснил мастер. Мы подошли к паренку у токарного станка. «Становехов! Пять норы выдает уже недалеко!» — с гордостью сказал мастер. Я посмотрел на толстого Он сидел на ящике — иначе не вы拊нется до суппорта токарного станка! Нет, не могла — гордость за этих замечательных ребят наполнила нас...

«И заномерило, что московская организация комсомола, заставившая Родину десять лет самоотверженно бороться с нацистами, получила орден Красного Знамени. А впоследствии на комсомольский макет в Музее Москвы, как доказал великий ученый Родин, подошел — орден Ленина».

«За окнами дебакрь, Декабрь 1966 года. Я отрываясь от воспоминаний и документов, воскреснула для себя дальнюю память, воспоминания о комсомольцах сороковых годов. Я знаю, верю: это здание московских комсомольцев и сейчас в сильных, ярких, верных руках. Помни те ваши отцов и братьев — комсомольцев военных лет, крепко держите их знамя. Ваше знамя!

стам, сидеть в Москве в такие дни казалось не выносимым, казалось, что если мы немедленно не вылезем в руки винтовки, автоматы, не пойдем быть проклятыми врагом, не сможем жить ни минуты».

В МК, перед кабинетом Щербакова, пыл как-то поутких, мы почучивались: что-то мы делаем не так, попросту говоря, ошибели. Друзья остались в приемной, послали меня вперед, «Посторонь разведдей, как примет меня просьбу?» — налегут, вспомнили они меня.

Андрей Сергеевич, загруженный в те дни выездами моря, созвещающим дюжиной се-
кретаря ЦК ВКП (б), секретаря МК и МГК ВКП(б), начальника Главного политуправления Красной Армии, начальника Сукоинформбюро, всегда очень внимательный и доброжелательный к делам и нуждам комсомола, высушав меня мрачно: «Душа у них, видите ли, горяч! Не фронт захотелось? — проговорил он, глядя на часы, — я вспомнил, как фразами бро-
саются! А кто будет тебя обливать? Резервы готовы! Москву защищать!.. И еще и еще столько слов, общих, спрятанных, резких, тек-
ших, что высокочил я от Щербакова, как из бани—

ДЕЙСТВУЮТ

Фото И. ШАГИНА

Старый, потрепанный блокнот. Пончалу даже кажется, что он испорчен — ведь страницы почти четверть вена и покрыты разительными изъянами. Нет, нет! Каждая из этих страниц приходится вниманию изображениям Юрия Григоровича, новому фронтовому телеграфисту, нордостному по адресу: Москва, «Комсомольская правда».

Было это в первые месяцы войны. И сейчас, когда спрашиваешь себя: «А как же мы эти памфлеты боялись?» — в сердце неизменно струются картины именно тех — самых тихих и горных — дней Отечественной. «Действуют по-комсомольски!» Эти обиходные лексемы всплывают в уме, можно услышать на аэродромах, в блиндажах санитаров и на артиллерийских полигонах, в артиллерийских танкодромах, в поинтотделе, на коротких привалах в полях, где сидят солдаты и бойцы. «Действуют по-комсомольски!» слышатся от генералов и лейтенантов, от старших политруков и от молодых боецов, которые еще только идут на землю, чтобы вынуть из вступленного комсомольского скопинка, оставленных винтовок, оставивших далеко позади первые комсомольские взрывы.

Но где, где «действуют» девелосы? Могут ли Смоленщина и Московской области, Бон надуть за каждую пядь земли. Нужно бы то ни было сделать из каждого из них национального героя и овладеть господствующей над местностью гордостью. Сложно опередить, но даже дивизии и гвардейские, маскированные силы противника, ведут первый батальон. Он принес на соли гранаты, гранаты, гранаты. Силы тают.

В новом командирском поиске майор Шербак послал батальон подкрепление — стрелковый взвод во главе с секретарем комсомольского бора полковником Григорием Поповым. Бой за своим вонаком добровольно вывалился грудью комсомольцев из других взводов. Они знали, что для выполнения цели неминуема рутина пушечной.

Утром майор Шербак спросил по телефону: «Приходит приказ по прорыву командира первого батальона:»

«Ну, как там подкрепление действует?»

В трубке звягнотали ответные слова новостта. Они вызвали на устю горе: «Команда полка темную ульбку.»

— Что ответят? — спросил майор.

— Говорят, действуют по-комсомольски.

— А вот из донесения комбата стало ясно содержание двух слов: «действуют по-комсомольски!». Взвод, с которым майор Шербак пришел к Вильон, скрыто прообразился и окопчило во фланг врага. Фашисты начали панический бой, и бойцы отступали. Отстреливались, укрываясь в селении. Но взвод, несмотря на потерю, продолжал преследовать. Оно и решило исход боя за высоту.

Днем Григорий Григорьевич на коленях просил прощения. Я стал спрашивать его о боевых делах комсомольцев. Неожиданно Вильон, молодой, привлекательный, стал комсомольским вонаком только на фронте, предложил:

— Поймите на комсомольское сбрасывание, там вы многое поймете. Соберутся комсомольцы роты лейтенантами.

Комсомольское собрание на передней крае?

Прочто видимо, этот вопрос в моем удивленном взгляде, Григорий сказал:

ДО-КОМСОМОЛЬСКИЙ

На собрание отпустило ровно двадцать человек. Собрание было очень необходимо, очень... Его будет ротный комиссар Михаил Соловьев. Приветствия, прислушайтесь, многое побудило.

Давно я уже вышел из комсомольской организации, но вспоминать не мешало — за последние годы доводилось бывать на комсомольских собраниях. Бывали и молодые, и старые, и даже самые молодые — комсомольские молодые алтайские целинников, у которых виделись от родных берегов, у которых там же жили матери. Однажды я вспоминал [и всегда, всегда буду вспоминать] собрание в роте лейтенанта Калмыкова. Там было собрание, а и то, как, говоря общенным языком, было выполнено его приказ.

С Григорием Выгоном мы пребывали в Колымском поздним вечером. Утром я предстало пойти в Соловьевский ротный комиссарский пригород, закрымавший подступы для контрактных наших частей.

Мы пришли к солдатскому ку старинному овражину. Мороски мелкий дождь. Прикрыли пологи пальаток учеников техникума. Соловьев, старательно, как на чистке, переписывая слова из обращения к Ленину: «Наша задача — спасти: «Наша знания, наши мускулы разбить врага, чтобы он не мог нас убить, в огненных горах гражданской войны, мы будем вздыхать сожалением отдачи им в дни наступления».

Нет здесь у нас такого позаимствованного обльясения Михаила Соловьева и подумай: народный был перед собранием, перед этим приходом к рукам.

Через несколько минут собралась комсомольская и под грохот артиллерийской дуэли Соловьев открыл собрание.

Мы должны выбить гитары из себя... — сказал он. — Поступайте же, как они там хозяйняют. Вот что я вам про расскажу... — Он поднялся на дверь и пресек свои выступления. Мы все мы сразу разглядели впереди темноту — это комсомольцы Ката и Паша. Они ушли.

Девчушка в красноармейской униформе, настороженно сидя на плечи повернула голову и прервала глухую риданную.

То, о чём не сняхах была рассказывать Татьяна, ушила от Пашин.

Отобраны фашисты все, что наше не успели спасти, дамы-хозяйки оденули всю позади. А теперь тронуты еще синицы, теплые вещи на прогоне, — расстремлен залюпинский сапог, — и вперед! — Берендеевы, Жигановы, тоже с залюпинским голодом и холоде сидят. Девят стояют на офицерские пирюшки. Ногами вперед, головами вперед! «Пойте песни, мы знаем, ваше село пузенько славится!» Мы молчали, за револьверы хватаются.

Девушки учились. — Татьяна все рассказывала — неизподданно вскричала Ката. Голос со вершения пребывал ее... — Соловьев сорвался с места. Мы с Пашей хотим выразиться. Девчушка больше не вынырнула — Комсомольцы, родите, рубите, рубите, колите! Всем все бе пласти, мы знаем, за все, за все! Будь право, товарищ!

Комсомольцы, которые услыхали голос Соловьева. В эти секунды он начался каким-то непривычным бойцом и вспомнил комсомолку, которую складывала со вспыхнувшим в сердце гневом.

Мы должны ответить на вопрос Кати, — сказал я, — что же мы должны ответить. Раздай не отвечаши ты ей, това рист Коновалов? Помнишь, ты мне поговорил с ней о том, что ее семья поговорила, она окончила курс трактористов и работала в МТС. Ты очень ею гордишься, потому что она тебе друг, ты тоже смешной ответить на нее. Мы знаем, каким длинным письмом она тебе писала, она тебе пишет, она является, студентка технологического института? Её карточку мы тоже видели, и она тоже наше имя знала, вспомнила матерей своих и даже ответил вот этим девушким...»

Все это было известно, и никто не отрывал. Решение комсомольского собрания было запротоколировано, и впереди, как на чистке, переписывались слова: «Наша знания, наши мускулы разбить врага, чтобы он не мог нас убить, в огненных горах гражданской войны, мы будем вздыхать сожалением отдачи им в дни наступления».

Нет здесь у нас такого позаимствованного обльясения Михаила Соловьева и подумай: народный был перед собранием, перед этим приходом к рукам.

Комсомольцы стрелковой роты выпалили решимость врагу быть надзором страшный для него блинчик. Еще нескользко минут — и мороз ринутся воронцовато. Вдруг звезды. Наша атака могла захлебнутьться. И тогда Михаил Соловьев решил гранатами открыть противника разом. Четыре коротких разрыва. Фашисты пустились умоляли. Но вражеская пуля убила утомленную ими ротного комиссара.

Комсомольцы стрелковой роты выпалили решимость своего собрания: и веселые семь молодых бойцов роты лейтенанта Калмыкова поднялись на прогоне впереди. Поганому были написаны эти норогные заявления. Но в каждом из них неизвестно утомленность ими ротного комиссара.

Через несколько дней на другом посту я встретил Соловьева и бедословил с Верой Коротышкой.

Словом, выслушала по-комсомольски Соловьеву. Веря подняла на мужчине и храброму солдату из своих подруг. И, мечтательно, поглядев на него, сказала: «Спасибо, Соловьев. Вот пройдет много-много лет, будут ли помнить, как сражались комсомольцы?

Помнит. И будут помнить. Нет часов подъема комсомольцев-фронтовиков, нет, если они — кровь сердца — записаны в золото памяти, в золото памяти юношей и девушек, с гордостью носимых на груди комсомольский значок. Прощай, Соловьев. Спасибо за то, что помнишь об этих подвигах во имя Родины и на умреть. Иногда она неизменно напоминает о прошлом, о прошлом молодых строителей коммунизма, о которыми коротко и выразительно говорят».

Действуют по-комсомольски! Да, за людей любой родной земли сажают на колени, а на колени — наши вони. И если ты молодой читатель, встретишь сегодня седеющими глазами книгу о комсомольской медали «За оборону Москвы», представь себе, что это такой сверстник, который сидит на коленях у бой с комсомольским флагом в на грудном кармане солдатской гимнастки. И если на колени сажают, если он, проплышил кровь на подступах и столице, никогда еще не шагал по московским бульварам и площа-

Семен ГУДЗЕНКО

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Фронтовые стихи известного советского поэта Семена Гудзенко взяты из его тома «Слово о том, что вышло из меня в 1978 году» («Литературного наследства»).

Чтобы эти стихи, не публиковавшиеся ранее, мы словно листаем военные блокноты поэта. В этих стихах — реальная правда войны, теподдельная, суровая честность, боль и счастье патриота.

Однажды ночью

Коней бросали у обочин.
И таил снег
под теплыми боками.
И глухо,
как в пустыне бочки,
стучали барабан кулаками.
Попугоры ревели на подъеме,
и обесселки
падали в цветы.
И только в чудом
храпел сонат,
разутый и раздетый.
А ночь была
бездыханна спасая:
сойдешь с дороги —
до утра кричи.
Солдат лежал,
в пуховых растая,
на раскаленной дебеле печи.
И что если замерзне в сугробах,
он завладел теплом и вонью,
он воспал месецес
в таковой могиле пробыл,
где смерть была
единственной женой.
Но и оттуда
не бежал к бабам.
Мол, ты один в атаках голосуй...
И сутки отпуска,
медаль
и поцелуй
дал генерал ему за храбрость...

Могила пилота

Осколки голубого спана
валиются в сухом песке.
Здесь сье...

и боевая слава
И стругина крохи на виске...
Из боя выходила рана.
Мы шли на отдык в тир.
И над могилой пилота
Почувствовали всю войну.

Всю...

От скончав и до тыла,
Решишь, как встричься.
И отдык сделается постыдным,
И неутруплен городом.
Мы умираем очень просто,
По нас оркестры не знают.
Пусть так у взорванного моста
Найдут товарищи меня.

Мы — студенты

Год отступления горек.
Нам он застечется за сорок
самых прекрасных лет.
Вспомни остатки горек,
как он смотрел нам вслед.
Вспомни распахнутый ворот:
«Всех не прикончите!»

Нет!»

Генерал-лейтенант в отставке
М. Ф. ЛУКИН

ТРУДНЫЕ ДНИ КОМАНДАРМА

— 1 —

Заканчивался сентябрь — третий месяц войны. Осень все чаще и чаще напоминала о себе дождями и предрассветными туманами, но лес возле деревни Василиево, где размещалась штаб 19-й армии, был ясно-прозрачным и чистым. Страна преборола все более разноголосый дух несмотря на то, что за линию фронта было каких-нибудь 7-8 километров. Там тоже было относительно тихо — то, что в военных сводках привычно называлось «бомбы местного значения и поиски разведчиков».

Честно говоря, я был рад наступившему затишью. Не потому ли и другим, что я принял Народное Собрание Конева, назначившего командующим Западным фронтом, 19-ю армию. Передышка дала возможность спокойно, без первогоГи вороты в курс дел, познакомиться с частями и командирами. Это была уже третья по счету армия, которой мне доводилось командовать за столь короткий срок войны: сначала 16-ю, оборонявшую Брест, потом 17-ю, которая в 1940 году в Забайкалье, перед самой войной, перебазировалась на Урал и здесь, под Шепетовкой, принес первый бой с врагом; потом меньше месяца 20-я, и вот теперь 19-я. В то трудное время такие передвижения командиров были явлением весьма распространенным. Стоило прослыть хотя бы немножко «удачливым», как тебе начи-

нали перебрасывать с места на место, — как говорится, «для укрепления руководства».

Не буду детально останавливаться на положении, складывавшемся на фронте. Об этом подробно говорится в военно-исторической обзоре, помещенном на предыдущих страницах. Скажу только, что 19-я армия, состоявшая из шести стрелковых и одной кавалерийской дивизии, а также двух танковых brigad, занимала полосу обороны протяженностью 70—80 километров по прикамью Днепра — рекам Воле и Вонец на Смоленском западном фронте.

Мне пришло в голову, что этого хоршего нам не обещает. Нового наступления немцев следовало ждать со дня на день. Пленные, не потерявшие еще азартом побитей, заявляли, что Москва все равно скоро падет, так как ни ее готовы дивизиями отшатнуться от нее. Их было несколько тысяч самолетов. Цифра эта была несомненно преувеличена, но тем не менее против нас сиделись действительно огромная. Промежутки недавно в архиве немецкие карты и штабные документы той поры, я узнал, что противник превосходил нас в пехоте в два раза, в танках — в три раза, в артиллерию — в три раза. Об аэродромах я и не говорю: ее в 19-й армии не было.

Весь день 1 октября над нами волна за волной шла на восток самолеты с крестами

— 2 —

на фюзеляжах. Они не обращали внимания на передний край — разбомбить тыль, настичь там панику, чтобы таинственная волна могла прорвать нашу линию, снять окружение — эту излюбленную тактику гитлеровских генералов мы уже знали. Последняя волна самолетов прошла над нами перед закатом солнца. И все стихло. Начинается!

В ночь на 2 октября никто не спал. Снова и снова связывались мы с частями, с соседями, последний раз утром вся десантная подготовка была завершена. Маршал фронтовик — член Военного Совета армии дивизионный комиссар Иван Прошкин, энергичный, он одним своим присутствием способен был поднять настроение, заразить всех своей неумелой энергией.

— Ну, оркестр и встреча готов, остается ждать гостей, — улыбнулся он, входя в землянку.

В 5.30 утра земля дрогнула, и тотчас загудели телефонные зуммеры. Впрочем, и без телефонных радиограмм мы поняли: противник начал артиллерийскую подготовку, всled за ней начнется первая атака...

Их было много, этих атак, — вторая, пятая, десятая... Все они кончались однократно. Перед мной оперативные сводки тех дней, вот что в них сообщалось:

«2 октября 19-я армия ведет упорный бой в полосе обороны.

3 октября — продолжаются ожесточенные бои на прежнем рубеже.

4 октября — армия подожженному сдерживает противника, атакующего силами до 70 пехотных дивизий с танками.

5 октября — упорные бои на всем участке, рубеж прежний.

Все командиры заранее знали, как говорят в армии: «Слышали, что если и уверено». Словом, враг противников хотят и меньшим по силам, но хорошо наладженным организмом, готовый ко любым неожиданностям. Лиши однажды эта четкость, без которой немецкая армия, была нарушена. Но об этом чуть позже.

У нашего соседа справа — 30-й армии — дела плохие хуже и хуже. Армия была смигнута в первые дни боев с совершенною, как единого целое. Оружженная линия продержалась ожесточенно, но враг подтолкнул возможность беспрепятственно двинуться к нам в тыл — то, что на языке немецких генералов называлось «экспедиции». В разрыв, образовавшийся между 19-й и 30-й армиями, была брошена соединенная из резервов фронта оперативная группа заместителя командующего фронтом генерала А. В. Дорофеева. В результате и нам загнула красный флаг. В прорыве была послана 45-я кавалерийская дивизия.

На команды генерал-майора Н. М. Дреер на указанный участок не вышел. Это могло обутих нас очень дорого, и я своей властью снял Дреера. Вместо него был назначен подполковник А. Т. Стученко (ныне генерал армии), который и выполнил поставленную задачу.

Дорога, на которой предстояло идти, было предана суду трибунала и расстрелять. Но я, честно говоря, никогда не был охотником до таких суровых кар, поэтому просто отправил его в штаб фронта. Там в суматохе он был видимо забыты. Несколько я знаю, Дреер потом воевал достаточно успешно, сделав, очевидно, выводы из своего опыта.

Ударом по группировке начальника и полный рост — частично со слезами (теперь это была 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова), техническим неприятелем, начали отходить, мы также получили приказ об отступлении за Днепр.

Но нас отступать? Обстановка, казалось бы, требовала немедленно ситься с позиций, отступать от противника и вырываться, лишило фронта. В этом случае мы могли бы избежать угрозы окружения. Но оторвались ли, успели ли организованно отойти на новый рубеж? Ведь основная наша тягловая сила — лошади, а враг хорошо моторизован, а следовательно, он может нас просто смыть и выйти целехонький, без потерь, на самые близкие подступы к столице... Я принял решение отходить медленно, с боем, сражаясь на каждом шагу, не давая противнику, не ожидающему такой обороны. Правда, в этом случае угроза окружения не исчезает, но мы армии вполне боеспособна, собрана в единый мощный кулак и отвлекает на себя значительные силы, нацеленные на Москву. А под самой Москвой наших войск почти нет, и это точно знаю.

И Шекланов, и второй член Военного Со-

вета Ванесо согласились с моим планом. В ночь на 6-го армия с боем начала отходить к Днепру.

В первую мировую войну я командовал ротой и несколько раз участвовал в штыковых атаках. Мы неизменно выходили победителями из таких сшибок и не только потому, что в мире нет лучших мастеров ближнего боя, чем русские солдаты. Немцы боялись нас и признавали и уж, конечно, сами никогда не шли в бою с нами. Этот опыт сейчас очень пригодился. Наши командиры при первой же возможности переходили в штыковые контратаки, и всегда победа оставалась за нами.

Здорово воевали в те дни и гвардейцы. Танковая бригада генерал-майора Федора Тимофеевича Ремизова, попавшая было в окружение, подняла на ноги врага, а затем грозящую реваншистам, чьи первые слезы слезы, малочисленная группа красногвардейцев, загнанная к тому же в лесные болота. Гвардейцы шагали под музыку в полный рост. Танкисты подступили их совсем близко, а потом прицельным огнем буквально скосили первую линию. Вторую и третью смели танки. Уничтожили даже батальон вражеской пехоты, будто нарисованной на бумаге и присоединилась к остальным частям армии.

Нам удалось парировать все атаки врага, стремившегося разить свой успех. Цена за это он платил довольно дорого. Упорный бой разгорелся, например, в лесу под Васильевским, там, где вчера еще находился наш штаб. В этом лесу была одна единственная деревня, на которой на ней была устроена своеобразная структура деревни — кирпичные дома и более сотни автомашин и бронетранспортеров с солдатами. Вся дорога была буквально усыпана подбитой вражеской техникой.

В общем, отход армии осуществлялся по плану, но кое-где немцам удалось вклинияться в нашу подвижную оборону на 20—30 километров. Одна такая группа напоролась на нас на автодороге, и мы открыли по ней огонь из танков и пехоты, а также из орудий и минометов. Принеслось сюда спасибо с мешком, чтобы придумать ближе к своим частям. В этом бою геройски погиб командир полка — связи полковник Балашев-Белый. Мы похоронили его в лесу под селом Ломы, поставили над могилой столбик с нарисованной червячным карандашом звездой двиницей.

Еще одна большая утром настигла нас в этот день. Погиб Шекланов. Погиб в бою, окруженный из всех сторон вражескими автомашинами. Несколько лет назад мне удалось разыскать двух его дочерей, работавших сейчас инженерами в городе Болхове. Я написал им о том, каким замечательным коммунистом и человеком был их отец, каким удивительным для того времени инженером, в те дни ставившим взломом шлагу.Хотя воспользоваться случаем и через «Смену» обратиться к комсомольцам Смоленщины — участникам походов по местам боевой славы — с просьбой разыскать могилу Ивана Прокопьевича Шекланова. Он заслужил высокие воинские почести.

7-го утром армия вышла к Днепру. Но

Член Военного Совета 19-й армии дивизионный комиссар И. П. ШЕКЛЯНОВ

Член Военного Совета 19-й армии бригадный комиссар В. Г. ВАНЕСОВ

раные нас здесь оказались немецкие танки. Итак, на Днепре останавливаться нельзя. Прорвал прорыв. Пемзи устремились на юг.

Я стоял на дороге, прокуривая перед собой последние части, прикрывавшие отход. Красноармейцышли в походных колоннах, уставшие, но спокойные, без малейших следов паники, барабаны которой очень легко липнут ко всем во время отступления. Вот и таковы были красноармейцы! Их подвел ее доказал, что горючее на складе, а склады находятся руками. Там, всего в нескольких километрах, по параллельной дороге, опережая нас, тоже движется большая колонна войск. Проходят танки, машины с солдатами в лагунашечном цвете форме. Они спешат к Москве, не обращая на нас никакого внимания. Все ясно: что окружены.

Решение было ясно: на врага? Застань, его заметят нас? Комбриг смотрел на меня вопросительно. Он говорит свою же минуту повернуть свои танки на врага. Но я ему руки: «Предолжать движение». Донесоцесии надлежало рассказать боям говорят о том, что основные части уже заняли рубежи по меридиану Вязьмы и остановили гитлеровцев. Далеко они не уйдут, а партизаны сечься им к членам.

У Вязьмы мне вспоминался подчинение 32-й армии из Батальонов Московских ополченцев.

В деревне северо-западнее Вязьмы я разыскал генерала Бодянки. Он сидел со своим штабом, боявой. Цепой огромных усилий Бодянки удалось из времена задержать прорывы противника, но не больше: слизько перегородил им сяди. Сейчас оттуда сбегали остатки славной группировки.

Да, колыко замкнуто. В 20 километрах северо-западнее Вязьмы образовалась залпово свободной советской земли, занимаемый 19-й и 32-й армиями, а вокруг враг, стремившийся сунуть нам фронт, расстелил группу и разбить поодиночке.

Здесь, на этом кромочном островке, не было места. Наша территория насквозь простреливалась. Все, кто мог двигаться, даже женщины — санитарки, санитары, взяли в руки оружие.

Шесть дней, днем и ночью,шли тяжелые бои. Нельзя было разобрать, кто атакует, а кто обороняется. Ведь мы из всех сил стремились вырваться из окружения, выйти к Москве.

Именно в эти дни много было получено радиограмма из подчинности И. В. Сталина. В ней говорилось о том, что (письмо по памяти, так как все штабные документы уничтожены, а в архивах найти ее пока не удалось) приход 19-й армии к Москве необходим, защищая Москву некем и нечем.

Мы и сами понимали, что наша армия, защищая Москву, хоронила изученную позицию противника, сохранившуюся частично слово боянскому противнику представляется грозную силу. Понимал это и противник. Только теперь я узнал, что в те дни (с 7-го до 12 октября) нас окружало 28 вражеских дивизий, в том числе 7 танковых и механизированных. Сосед наш села — 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова, считающаяся в то время лучшей, сдерживала вражескую армию, отделявшую нас от Днепра. С ней поддерживалась по радио. В последней радиограмме Ершаков сообщал: «Боеприпасы на исходе, начальник штаба генерал Корнеев тяжело ранен. Вероятно, будем выходить группами». Много времени спустя я узнал что Ф. А. Ершаков погиб в немецком плена.

Все это время в нашем подчинении числилась и 24-я армия, и санитары, с санитарами не удались. После гибели командира генерала Раукстиня она откатилась на восток. Движение врага на Москву застакнуло, он боялся оставить у себя в тылу наши армии, боялся ударов с тыла (что только он национальный или в Москву, или за них). Но, повторю, о силах, окружавших нас,

и учина только сейчас, а тогда, собирая боеприпасы, горячее для танков — словом, все, что еще можно было наскрести, мы готовились к прорыву. В этом стремлении нас укрепила перехваченная радиограмма командира 7-й немецкой танковой дивизии генерала Фукса (этот дивизия первой вошла в Варшаву и Париж, по приказу Гитлера она должна была первым ворваться в Москву). И мы и необразима туда в замешательстве свою судьбоносную в сталинградском «потасовке». Открытым текстом Фукс донесдала командование: «Пустите в бой последних гренадер, сдача сдерживает нас! 19-й армии».

Я послал шифрованные радиограммы И. В. Сталину, начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и штабу фронта в соответствующие части о том, что происходит. В ответ получили из штаба фронта подписьданное Г. К. Жуковым, И. С. Коневым и Н. А. Булганиным предписание в случае неудачи выходить отдельными частями в район южнее Базыши — на участок 20-й армии, где, по донесениям Ершакова, противник слабее, чем в других местах. К этому времени связи с 20-й армией в нас уже не было.

Ночью 12 октября я вышел из машины на ночь из 12 октября. Место выбрали заброшенное (чтобы не было вражеских танков), возле села Богородицкое. Прорвать фронт должны были 2-я дивизия из состава 32-й армии (командир — генерал-майор, начальник генерал-полковник, В. Р. Вишневич) и 91-я (командир — полковник И. А. Волков). Перед атакой провели артиллерийскую, в том числе зажигательную, «нашивку». Никогда не забуду свой приказ на прорыв, в котором несколько раз повторялись слова: «Сам погибай, но товарища выручай».

...Мы идем не на восток, а на юго-запад. Там нас фашисты не ждут, и, хотя придется сделать основательный крюк, мы должны, обязаны выбраться к своим.

Пробиваются приходится с боями, иногда весьма упорными: гитлеровцы в этом районе оказались куда больше, чем нам сообщали из штаба фронта. В один из таких боевчиков попал член Реввоенсовета СССР армии Волкова. Прорвавшись Волков — храбрый, опытный партизанский руководитель, до войны работавший третьим секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Именем Волкова сейчас называют одна из улиц Минска.

В этот же день я получил сильное ранение в правую руку. Она до сих пор не действует. Все время напоминала о себе и в ноге, «заработавши» летом под Смоленском.

Большинство частей 19-й армии сумело пробиться к своим: вырвались из окружения танкисты Ремизова и прорывавшие линии обороны Стучкин и многие другие, в том числе и я. Танкисты и комиссары дивизий, участвовавшие потом в разгроме врага под Москвой.

Много времени спустя я узнал о словах И. В. Сталина, сказанных им одному советскому военачальнику: «Передайте спасибо Лужину, он помог нам тогда выиграть время и подстегнуть сибирские дивизии».*

* *

Недавно, двадцать пять лет спустя, я снова побывал под Вязьмой. Время стерло на всегда все памятные воины: не найти никаких памятных землянок в лесу под Василевским, новых красногвардейских домами украсились Ломы, Шутово и другие деревни Базышины, оставшиеся памятью на всю жизнь. Пожалуй, единственным уделением «законников» оказалось болото около села Богородицкого, то самое, у которого находилась прорыв. Но, говорят, скоро и его осушат. Жизнь не стоит на месте, она стремительно шагает по земле, за которую сражались в грязи 1941-м бойцам 19-й армии.

Из фронтового дневника
лейтенанта
гитлеровской армии
Г. Линке

Записки Крестоносца

18 НОЯБРЯ.

Мы должны принять участие в окружении Москвы. Надеемся, что получим при этом прочные позиции. Возможно, что тогда нас отозвут или даже отпустят вовсе. Большие надежды возлагаю на начало декабря...

21 НОЯБРЯ.

Утром я еду в Тархово. Во время разговора с генералом майором Лукомским в нашу сторону летят ракетные снаряды. Все находившиеся в машине легли на пол. От воздушной волны разбросанные оббитые гранаты задрожали оконо, вылетела радиоголовка. Гранаты взорвались в машине. Я выскочил из машины лейтенантом Тюмлером, лейтенант Канис и лейтенант Мюллер. На улице слышны стонсы и крики тяжелораненых. Потери штаба и роты были велики. Старший лейтенант Фишер, бывший главный фельдфебель при походе на запад, и испанский солдат уничтожены снарядами гранатами "А-34", о котором говорилось в одной из последних советских листовок. Наше штурмовое оружие, находящееся впереди, не сможет причинить ему большой вреда. Ночью загорелись склады, в которых стояли 65 лошадей. Принесли погибель огнем, неизвестно, очевидно, место саботажа.

22 НОЯБРЯ.

На прошлую ночь (17-3) скончался полк. Наступление предпринятое вооруженными партизанами Востока полк несет открытыми потерями из леса на село. Штурмовые артиллерийские подразделения и зенитчики помогают своим огнем. Вдруг из-за деревни вспыхивает огонь. Быстро побежали, изрыгнув огонь, из цепи стрелков. Его берут под откос и прорывают. Этому способствует огонь, который сопутствует и пылает раздвигая их своим гусеницами. Саперы легкими взрывами сбрасывают попадающие в выхлопную трубу. Наружу вырывается огонь. Мотор горит, танк горит, танк горит, смех мчится вперед. В конце концов сорвавши один из снарядов с ходового механизма, танк врывается вперед. Следующий снаряд разбивает вторую гусеницу "А-34" и останавливается...

24 НОЯБРЯ.

Наступление продолжается. Но вскоре рота вынуждена остановиться перед вооруженными укрепленными позициями противника. Она несет огромные потери. Нет никакого выхода. С каждым днем слабеет боевые мощи наших войск. Если 14 ноября враг насчитывал 15000 человек, то к 24 ноября, завтра будет 35. Некоторые начинают считать дни, когда придет очередь. Всё это в нашей мере не показывает боевого духа. Несмотря на то, что мы не можем выиграть эту войну, морем повести людей вперед, погибает первыми. Этот факт поражает, как многочисленны потери среди офицеров и чиновников. Всего за последние 10 дней погибли 1500 человек. Да, потеря, и сожаление, очень велики. Люди, находящиеся с самого начала августа в непрерывных боях, устали. Моральная нагрузка на них велика. Их глаза блестят, на них блуждающий огонь, и, напротив, крик "альпера" остается неизменным. Все эти нерадостные явления, которые раннее были в нашем распоряжении, теперь становятся для нас закрытым и причиняют нам много забот. Мой полковой командир дал понять высшему командованию, что у нас в Вишищах, что еще немногим ранее, мы не можем выиграть эту войну. Генерала некоторо Гейлер, таков: «Ты должен верить и держаться на ногах и не уставать, винить и маленьких потерь сильное, готовое и настойчивое войско...»

25—29 НОЯБРЯ.

Нам не удалось сломить сопротивления противника. Эсэсовские соединения и танки заняли Истру и продолжают атаковать. Этим они временно отнимают у нас славу быть ближе к Москве. Но мы не можем продолжать борьбу теми же неизменительными силами. Единственные отправляются в дезертные больницы. Из этих солдат мы не видим потом больных никого. Я не знаю, и чому это приведет.

4 ДЕКАБРИ.

Привезенные крупными силами из Парижа. Пробились в лес северо-западного направления, между нашими опорными пунктами. В лесу вызываются танкисты. Танковые пулеметы русских утомят пустарину, вокруг стоят солдаты, которые утешают поток, танк уходит снаряда, и вся чертюшка начинается огнем. Рунопанчные боя в лесу стояли немало нашей крови. Потери убитыми 31 сентября, 55 человек ранены.

5 ДЕКАБРИ.

Несколько танковых танков приближаются к деревне. Мы с нашими средними танками бессильно против этих чудовищ.

День стоял нам 11 убитых, 34 раненых. Мы понимаем уже начнем подсчитывать, когда выйдут из строя последние люди и никому будет держать оружие в руках...

В 15 часов внимательно слушаем речь фюрера в рейхстаге...

7 ДЕКАБРИ.

Сознание невозможность удерживать линию обороны. Предлагается дешевый отвод сил. Несколько уцелевших десков не могут дать прикрытия на ночь всем наступающим. Люди подгоревшие, измотанные, измученные, лежат в открытой печи. Они устали, изнурены, на них потрепанная одежда. От усталости лицо побледнело. Что же будет дальше?

11 ДЕКАБРИ.

Мы обеспокоены противником, атакующим почти весь день сosoюзные силы. Продолжение прорыва и нам в тылу. Уничтожить его не смогли. Угроза ему есть. Принятое решение новый отход. Приманка оставить позиции завтра утром. Все это очевидно. Мы практикуются род боя, в котором никогда не участвовали.

15—17 ДЕКАБРИ.

Линия только начинает сворачивать на приведенный путь. С трудом тащаются автомашинами штаба полка. Место отхода — Загорье. Юнкен, совсем недавно, слышал шум боя. Опасно стоять на полях, на которых вчера еще были нет. Там заселен 36 летников горючего. Достаточно один раз пройти, чтобы все запыпалось. И вот наверх поднимается столб огня высотой в метр. Сквозь дым виден крест, который висит с боями и что не должно попасть в руки большевиков, уничтожено.

На дороге то там, то здесь валиются ящики с боеприпасами, со снарядами, с боевыми гранатами...

30 ДЕКАБРИ.

Ушедшие из села и деревень население целыми толпами возвращаются назад, чтобы достать какую-то еду. Но мы должны быть беспощадны. Нельзя расходовать небольшие запасы. Угрозами люди отгоняются прочь. Пусть голод доделает то, что видел подразделение картины встанут перед нам! Я думаю, что видел подразделение только при отступлении французских войск. Но мы должны держать позиции, чтобы выжить в наступательном виде, как бродяги, как последние скопы. Свято!

31 ДЕКАБРИ.

Завороживаются бол местных характера, которые приводят к дальнейшим потерям, комендант, который не может увидеть в русской плен. Пополнение не внесло существенных изменений в наше положение, так как в то же день примерно по 1000 человек из числа пленных были отпущены в плен. Чувство, что если бы они постали на пост, а потом забыли, что с нами славное воспоминание, что все мореплаватели проводят в плен. Адмирал Гогенберг, который приводил вспоминания о своем командовании армии. Командование взял в свою руки фюрер. Я предполагаю, что смена командования произошла в результате политической причин. Я не могу сказать, что нам не хватает многоного, я бы сказал, у нас нет почти ничего...

1 ЯНВАРЯ 1942 г.

Утром 22 января прошлого года люди встретили на передовых линиях в 3 часа 05 минут первые гранаты нацистов, выпущенные через границу. Десять минут спустя позже пехота атаковала многочисленные пограничные укрепления, расположенные на южной границе. Всего за 15 минут было разбито. В Бензензее мой взвод принял первый бой. Немало терпеливо, пока взяли крепость Озич, там проклятые висели в воздухе. Всего за 15 минут было разбито. Всего за 15 минут было разбито до района Белостока, и остановился на отдыхе в Сидре, где и получил железный крест II степени. 18 октября командир награжден орденом Третьего Рейха. Старт на первом германском поле, на котором впервые Наполеон Марк перешел Москву-реку вброд. Затем последовала марши в Вишичи, первое занятие в которых состоялось в 1941 году. Всего за 15 минуты сражения сопровождались на Москву. Лишения и наследие ческое направление сопровождались на Москву. Смерть... И вот я стою перед распахнутой дверью, через которую должна пройти, не знаю, куда приведет меня дорога...

Печатается с разрешения журнала «Советские архивы».

Большие надежды мы возлагаем на начало года...

На дороге то там, то здесь валиются ящики с боеприпасами, со снарядами, предметы снаряжения...

Совершенно опустившиеся фигуры бродят вблизи в недостаточном виде, как бродяги, как последние скопы,

Алла Белякова не новичок в литературе, но до сих пор мы ее знали как сценариста фильма «Сверстница», «Таски Бунт» — один из первых рассказов Аллы Беляковой. В начале 1967 года в издательстве «Советский писатель» вышел сборник ее рассказов.

У Аллы Беляковой слова глубоко перенятая, выстраданная тема — тема войны. К этой теме долго еще будут обращаться писатели разных поколений. Отечественная война бесконечно будет волновать умы и сердца людей.

Но в своих рассказах и в частности в рассказе «Таски Бунт», Алла Белякова не будит нас огорчением, она проникает в нас, в эти тяжелые годы, когда люди, гонимые войной, понидали родные места и когда дети, терпящие матерей, рано становились взрослыми.

Но наука любви и счастья путь не знает.

И вот рассказ имеет воинскую тему, добрую со злом, милосердия с

честностью и грубостью душ. Об этом рассказ Аллы Беляковой.

Георгий СЕМЕНОВ

Алла БЕЛЯКОВА

ТАСИЙ БУНТ

РАССКАЗ

Поеzd дернулся. Тася сидела, забывшись в угол, закрыв глаза. В вагоне было душно, накурено.

Поезд медленно полз меж заснеженных полей, кричал, на что-то жалуюсь, уступая дорогу воинским эшелонам.

Тася мучил озноб, холод. Лоб у нее ломило, глаза сухо горели, зной стоял в ушах, ноги в дырках, неподшитые занавески стяли, словно в снегу.

Тася старалась устроиться поудобнее, но в окно дуло, в опущенном горле цапало от дыма...

— А-а, тихонько... — вдруг ласково пропела тетка. — Сбекала!

Перед Тасей проплыло розовое, толстое, ненавистное лицо, белые щеки вместо глаз, туго шары щеки русые, словно приклеенные к голове волосы.

Тася открыла глаза.

Кругом были пенистые ягоды.

«Чтет ее, нет, — радостно застучало в голове у Таси, — нет ее здесь...» На никаких полях люди сидели вплотную друг к другу. Проды были завалены вещами. Счастливцы, залившие широкие полы, спали. Нога в полосатом шерстяном носке свешивалась с полки прямо над Тасиной головой.

Рядом с Тасей сидел пожилой рабочий солдат в шинели винчукой. Шел у него было забыто.

Напротив Таси морозила девочка с бледным лицом и синеватыми губами, кормила грудью ребеночка, прикрыв его лицо и грудь углом платка. Ребеночка не было видно, только крошкачка, немножко, морщинистая ручка, высвободившись из одеяльца, слабо и бессмыслиценно толкала воздух.

Пожилой склонил голову к Таси.

Тася попыталась сдержать ознь и не смогла. Она снова испуганно прикрыла глаза.

— Ладно, сплю... — вдруг сказал рядом голос Ивана Трофимовича. — Я бы сам ее своими руками.

«Эх больна... — думала Тася, — у меня бред, не даду я, выкинут меня на станции, пропаду... А куда я еду?»

— Есть хочу! — гневно сказала около нее Катя из детдома. Тася сразу узнала ее жалобный голос.

— На-ха, поехь... — ответила ей Тася. — Видишь, здесь целый таз по-виду и яйца... Это все она у вас украла.

«Народу зубами не стучь... — сдерживаясь изо всех сил, думала Тася. — Тася, скончай меня на станции...»

— Эх, девчушка, больна, что ли? — пронес надней грубоватый мужской голос.

Тася испуганно дернула головой.

— Нет. Замерзла я... — прошептала она.

— Вот я и вижу, дрожишь.

На Тасю склонился темное, ребристое мужское лицо. На шее резко белел бахрома вздорогуна. Такое лицо было у ее отца.

— Бахрома, пакни.

— Не надо.

— Нанини.

На Тасю легла грубая, жесткая шинель, от которой забыто пахло теплаком и краяками мужских потов.

— Спасибо, — прошептала она.

Тася натянула на лицо шинель. Она старалась сдерживаться изо всех сил, но дрожь не останавливалась. Охваченное жаром маленьких тел в ее все сильнее и сильнее дрожало. Тася мордила от голода и от болезни. Со вчерашнего дня она ничего не ела.

Позезд мчался между печальных, белых полей. На длинных проводах качались вороньи. Медленно сгущались зимние сумерки.

Уютные, дорожные, пластины вокруг Таси разговоры, обтекали ее, не за-держиваясь в сознании.

То ей казалось, что она маленькая и идет с отцом и материю по про-слеченному городу. Пахнет цветами, розы длинно ходят под ветром, словно кусочки бумаги, летят перед Тасей две белые бабочки. Тасе нравятся ба-бочки.

То они с отцом в родном их городке идут по главной улице к писчебумажному магазину покупать ей портфель. Тася пойдет в школу. От портфеля остро пахнет кожей. Тася нюхает его, и отец смеется.

Но потом, над городом, воя, летели самолеты, ближе, ближе, и деревня, в которой Тася жила, затихла, дрожала, и в это время нельзя было вспоминать, надо было скорее сунуться... проснуться.

— Скоро Казань, — сказала кто-то. — В Казани патруль беспрерывно будет проверять.

«Пойдет патруль, выкинет меня без билета, — думала Тася. — Стыдно-то как будет перед людьми...»

На глаза у Таси навернулись слезы, в горле заломило. Она тихонько всхлипнула и сразу снова сказала:

«Ох, не даду я, — говорила Тася. — Тася, скончай меня на станции...»

Но Тася не хотела, и сине слова тихонько заплякала. От слез поплыли в ушах. Горячие струйки текли по щекам, запинаясь за уши.

— Плачет, что ли? — спросил тот же грубыштый и родной голос.

— Да нет, спит, — ответила кто-то.

— Чудак девчонка. Одна ведет.

— Сейчас все едут...

— Ты куда едешь-то? — загородилась над ней солдат.

Тася смотрела на человека.

— Не слышала, — сказала другой. — Не лезь в душу к человеку, спит.

В вагоне стемнело. Снежные поля слабо белели за окном. Повезд дергался на стыках, колеса под полом вагона равномерно и убаюкивающе стукали.

И снова над Тасей надвинулось ненавистное, розовое теткино лицо. И ласковый, фальшивый голос распевал спросил ее:

— Куда едешь, — тихонь?

— А ехала Тася, девочка пятнадцати лет, в Кировскую, к брату: Кировская бабка последняя станция перед Москвой. Ехала Тася через всю страну, из Зауралья.

Родители у Таси не было: отец пропал без вести на фронте, мать погибла под бомбежкой.

Тася перебралась к тетке, уставшей от ужасов и несчастий; сердце ее было полно надежды. К родному человеку ехала.

Но тетка встретила ее странно.

Рисунок В. ЮДИНА

— Если будешь мне помогать в детдоме на кухне, — сказала она ласково, — денег с тебя за койку не возьму.

Тетка покраснела и отвернулась.

Тетка позвала ее в чуланчик, кинула на дощечки топчан матрац, набитый пухом, подушку, ветхую шубенку и сказала:

— Слыши, Златка утром рано вставай.

Тетка работала поваром в детдоме. Тася стала помагать ей, мыла на кухне тарелки, чистила мороженое, липовую картошку, носила дрова. Мешала в кастрюлях тощее блюдо из зелени, без запахов военное варево, которое готовила для детдомовских ребят тетка.

Сначала они затемяли. Пили пустой чай и потом шли к детдому по тихой улице. Снег нежно белел в темноте. Тася зябко дрожала в своем пальтишке. Утром она тоже все время мерзла и ходила взлядом,

сопившимся носом. Тася видела худые, сырье щечи ребят из детдома; их голые глаза и удивлялись не по тетки. Тетка была большая, пышная, она словно вся лоснилась розовым жиром.

«Ведь война», — грустно думала Тася, — все кругом вот жenie худые и бледные, откуда же в них столько силы!»

Сама Тася была кудоньская, высокая, с тонкими ряженеватыми косичками, с неясным, притесненным лицом. Худощаво ноги ее, и руки, и даже плачи все сплошь были покрыты вспучившимися глазами. Глаза у нее были круглые, а губы коричневые, и все в твердых, шершавых корочеках.

Теткин муж работал шофёром. Он был чернавий, густо заросший черной щетиной, с лохматыми бровями и тяжелым взглядом. Часто он приходил домой пьяный, и пахло от него водкой и бензином.

Тася боялась и тетку и дядю.

Тася была одна из тех, кто не могла забирать ее ласковых глаз, ее сладкого голоса и сама себе не могла объяснить этого.

— Кушай, доченька, — ласково пела поутрам Тася так же, как она пела в детдоме голодными детдомовскими ребятам, но Тася видела, что все лучше куски она забирала себе и мужу.

Но Тася не жаловалась. Она никогда не досаждала ни тебе, ни дяде. Однажды вечером стояла она в своем чуланчике перед укрепленным в стекле зеркалом и рассчесывала тонкие ряженевые волосы. Она уже собиралась лечь, когда была в одной короткой рубашке, из-под которой виднелись ее длинные, девчачьи ноги и неясные плечи и руки, зашитые вспучившимися

Дверь сильно дернулась, и на пороге появился дядя. Тася сразу услышала запах водки и бензина.

Ух ты, какая пестралка! — удивился дядя и нехорошо посмотрел на Тасю.

Тася судорожно глотнула воздух и молчала.

— Чего бомшиши, дурочка? — усмехнулся, спросил он.

Тася испуганно поступала на колени рубашки. Он ничего не сказал больше, только посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом.

А Тася, склонившись, тихо плакала в темноте, всей кожей ощущая его тяжелый, беспытливый взгляд, и молчала отца, чтобы он скорее отстался и залез ее к себе. И даже в темноте, под светом шубенкой она все время натыкалась на колени короткую рубашку.

С тех пор спала Тася в своем чуланчике, накинув на деревя крючочки, и часто в страхе просыпалась — не слышны ли дядкины шаги.

В присутствии дядек теперь она сидела тихо, не поднимая глаз, и все время молчала. А дядьки тоже молчали и все усмехались, глядя на нее и забавляясь.

— Все молчали, — тихонько? — удивлялась тетка.

Тетка часто получала ее.

— Доброта сейчас не нужна. На ней не прониешь, — рассудительно говорила тетка. — Всю доброту не любят, поняла?

Тася равнодушно кивала. Она не была согласна с теткой, но спорить с ней боялась.

В детдоме она подружилась с девочкой Катей из Тулы. У них была подружка — сестричка Катя, жившая с родителями, но страшно верила, что они убили ее и засунули ее к себе.

У Кати были толстые белые косы, голубые глаза и приспособленный носик, словно перешлиший посередине. Катя вся время вспоминала своих родителей и рассказывала Тасе, что у них есть дома.

Тася очень жалела Кати. Она знала, что Катя всегда хочет есть, и старалась принести ей что-нибудь из дома: то кусок хлеба, то сухари, то сажарные крошки. Но делала это было нелегко. Тетка после еды запирала воротником кухонную пахучину буфете.

На кухне Тася много времени проводила, трягала: это все было общее, ребяческое, и Кате полагалось столько же склонено и всем остальным.

Однажды тетка поймала племянницу, когда та угощала Катю доставшимися ей от тетки линейкам десертом, черного хлеба.

— Добрый ты, — сказала ей тетка, и в словах, ее Тасе усилилась привычное презрение, будто доброта была чем-то дурным, словно болезнь. — Думашь, она тебе свойкус окусаст, дур!

Тася очень любила Катю. Катя была страстная пионерка, она вся время стирала утюгом, вытирала пыль, подшивала других ребят бежать на фронт. У нее блондинский галстук, подшивала другие, она писала на фронт письма незнамым боям и спрашивала их, где ее отец.

Больше в детдоме Тася ни с кем не подружилась. Она была все время занята на кухне. В школе она не училась.

— Годом пропустишь, — сказала тетка.

Однажды Тася вернулась из детдома раньше времени. Тетка и дядя были дома. Они обрадились.

Теско увидела Тасю в тарелке дымящуюся, разваренную курицу. В комнатах стоял пар от куриного бульона.

Тетка почтено-сухо сказала:

— Пойди ведро мусорные оттасщи, — сказала она Тасе. — Со вчерашнего дня полнос стоит.

Когда Тася вернулась, курицы на столе не было, тарелки были убраны, форточка раскрыта, а тетка, накинув на пышные плечи платок, сидела склонившись лицом на плащ-одеяло перед Катей лежит и то, и это, и дымка в тарелке разваривала курицу.

Но потом она вспомнила, что матери утром уже нет и никогда не будет. И пытались понять это и не могли.

В эту ночь она долго думала о тетке. Она думала о том, что мати ее, Тася, была простая, хорошая женщина, а тетка совсем не такая — она ласковая, кому-то другая, и Тася ее боится. И тоже не могла этого понять.

Она думала, что мати никогда бы не поступила так с теткой, если бы она жила у них. Она представила себе, как мати с умиленiem наблюдает, как тетка ест белую, жирную курицу. Матя любила угощать людей.

Тася глотала горячую слону, и в животе у нее было привычно пусто, ей было грустно и хотелось плакать от незаслуженной обиды.

Где тетка раздобыла эту курицу, она не думала.

И она снова страстно молила отца вернуться и взять ее к себе.

А потом она дала мечтала о каких-то людях, которые помогут ей, спасут ее, вернут ее к матери, и в доме будут учить жизни, но жизни хорошей, честной, не фальшивой. И, успокоившись, уснула.

А через несколько дней в детдоме пошла эпидемия скрепартии. Заболела и Катя, ее взяли в больницу. И Тася почувствовала себя плохо.

В тот день она еще дотащилась до дому. День был сырой, с оттенком, под ногами хлопотал.

Валенки у Таси трошки.

Она вошла в дом, прошла к теткиной кровати, чтобы найти себе что-нибудь на ноги.

От валенок на чистом полу остались грязные, влажные следы.

Тася подняла кружевную подзор, нагнулась под кровать и увидела три

эмалированных таза. В одном бегале горячая мята в другом желтело сливочное масло, а третий был полон коричневого взбитого повидла.

Тася поняла сразу.

Тетка воровала в детском доме продукты, украдкой их сама и кормила дядью, остальное продавала на рынке, и потому она была такая пышная, самодовольная, толстая, а ребята в детдоме ходили с серыми лицами и синими кругами под глазами. Ката плакала по ночам от голода, и тарелки так легко было мыть — на них не было ни хирикни.

Тася смотрела на тазы с яйдами, повидлом и маслом, и ее даже затуманило голову.

Она исполнена разовой текучки лицо и здруг услышала, как кто-то поет в детдомовой столовой:

«Тася, смотри на тазы с яйдами, повидлом и маслом, и ее даже затуманило голову».

Тася попыталась сдвинуть тазы с места и поднять их, но у нее не хватило сил.

Она не знала, что ей делать.

В это время вернулась тетка.

Она увидела Тасию бледное лицо, и откинутый подзор, и эмалированные тазы с яйдами, повидлом и маслом.

Тетка изгнанно смысла обстановку.

— Ах, ты, тихона... ласково сказала тетка. — Добралась-таки... А я смотрю, у меня начек не хватает... Недосчитывайся...

— Я... я... ее... — деревянными губами сказала Тася. — Я в детдоме скакала.

Лицо тетки стало жестким, туго шары щек словно сразу похудели.

— Я тебе давно хотела сказать... — сказала ласково проговорившая тетка. — Тебя в детдоме звали дерзкой Катей и с тобой начинилась. Вижу я, какую бледнодородную буду тебе показывать. Роды краснокниши. — Эх, Маленькая, а паскуда. Думала бы я вину, но нет, ты хозяинка моего тренажора, вернешься перед ним! — здруг крикнула она.

Тася мучительно покраснела.

— Попробуй только пикнуть, паскуда! — сказала тетка тихо. — Со свету скаку. Со мной вместе пропадешь. Запугаю тебя. Поняла?

Тася испуганно взглянула.

Ночью она лежала в своем чуланчике, тряслась от озабоченности, слушала, как по ней ходят воины болезни, и мутлилась думами.

Она думала, что если скажет, сделает вид, что ничего не знает, то тетка не станет куклой скислаше тарелки. Но тут же вспомнила детдом, забытые фланеры оицы в спальнях, классы, где замерзали черепахи, и ребята сидели на уроках; дуя на сизящие пальцы, и носы у них были синие от холода, вспомнила их драные ботинки, и кашеминовые, занесенные плюшем, и то, как мгновенно они ссыпали все, что варяла и подавала им тетка. И с печалью думала, что в такой их жизни в детдоме виноват ее тетка.

Она тихонько поднялась с постели, одралась.

В детдоме, кроме тетки и Кати, она никого не знала. Учителей и воспитателей она тоже болтала. Тася часто ругала их и говорила, что все они корын шайка-лейкан. Был там один старый воспитатель, Иван Трофимович, со строгим и добрым лицом. Однажды он поглядел Катю и Тасю в глаза, и они сидели в закутке около кухни и шептались в снегу.

И Тася была благодарна ему за это и тихонько поблагодарила его.

Другой раз она слышала, как он разговаривал с женщиной-врачихой, называя теткино имя и сказал с сарказмом: «Ласковая спечька... Я бы ее сам... своим пальцем...»

Тогда Катя не поняла ничего.

Теперь она вырвала листок из клетки из тетради, написала на нем крупными буквами: «ИВАН ТРОФИМОВИЧ ВСЕ ПРОДУКТЫ КРАДЕТ ТЕШУЩАЯ ПРОДАЕТ ИХ НА РЫНКЕ А РЕБЯТА ГОЛОДНЫЕ ГЛЕМЯННИЦА ТАСЯ». Она взяла членодавца и тихонько вышла на улицу.

На улице была черная ночь. Мело. Но под ногами все равно хлюпали. Тася пошла к детдому, спускалась и увязала в снегу. Добралась до детдома. Дверь стояла на стекнице уже далеко от городка, где жила с теткой Тасей.

Тася получила записку под входной дверью.

В детдоме она не знала. Ведь Ката лежала в больнице.

Она пошла на вокзал. Она решила уехать к двоюродному брату. Брата этого она никогда не видела, знала только, что он живет где-то на станции Курковской под Москвой и работает в лесничестве.

Денег у нее не было, билеты тоже. Голова кружилась от болезни, лоб и глаза ломило, в горле было сухо.

Принимает ее брат или нет, она не знала. Но она решила, что все равно уедет, и на ближайший месяц.

— Утром поезд стоял на станции уже далеко от городка, где жила с теткой Тасей.

В вагон вошли две санитарки с носилками. Они были в плащах и в белых халатах поверх пальто.

— Едите! — спросила одна из них.

— Это... ответила смуглый солдат.

Глаза у Таси были полузакрыты, сквозь жаркие ресницы страшно синели белые края, из которых тубы затекли.

Она вся время сидела с собойчиной.

— Клади, Маша, — сказала высокая мужеподобная санитарка.

— Даай, Клава...

Из глаз Таси выплыли слезы.

— Чего плачешь? — добродушно спросила, склонившись надней, та, которую звали Клавой.

— Не берите меня... — прошептала Тася. — Мне к брату надо...

— Потом доешь... — сказала другая санитарка, высокая и белолицая, еще молодая.

— Вы уж бы выпечте... — застенчиво попросила женщина с ребенком.— Смотреть жалко.

— Выпечени... — твердо сказала Клава. — Постараюсь.

Она поклонилась Таси на носочки, крепко вструхнула их и понесла. Тася смотрела, промахнувшись из взглядами. Кто смотрел с любопытством, кто с сочувствием, кто равнодушно.

Над платформой было синее зимнее небо. Платформа стонала и скрипела от мороза. Вкусно и весело пахло снегом.

Писатель Евгений Захарович Воробьев в годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Красногвардейская правда». Вместе с героями своей истории, рассказами, очерками он пересек горные дни от страны до советских войск, а затем прошел дорогами победы из Подмосковья в Германию. В прошлом году вышел сборник его военных очерков «Говорили с Западного фронта», по своему труду писатель считает незавершенным было подробности их подвигов, расшифровывает записи в фронтовых блокнотах, сделанные по свежим следам событий.

Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» два коротких документальных рассказа об участниках Московской битвы.

Совершеннолетие

Рослый юноша с самозарядной винтовкой на плече появился на опушке Комсомольской рощи, когда там шли бои за город Клин. Командир взвода лейтенант Кузнецов не отрывал взгляда от солдата, который виднелся на торной стороне оврага.

Их, чертых, на деревьях, в зарослях, в кустах, в сарае, в заборе, в саду, в синеве неба, Кузнецов спустился винтовкой.

В этот момент Кузнецов и увидел парня. Тот терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, и, перенесши на плечи ружье, сунул его в сумку, подумав, что раненый не видно. В руках парень держал пистолет, и вдруг... — спросил лейтенант Кузнецов.

— Привет просите... винтовку... Из рабочего батальона... Восемнадцать лет... — отвечал парень.

— Совершеннолетие, значит? — И Кузнецов, хват, товарищ лейтенант, податься на действительность. Командир наставил Гаршинов да согласие, да и сама Кузнецова Машин приводил к нему позиции?

— Там вешиц нет. Петроны... — пояснил парень.

— Ну куда же тебе стоять? — спросил Кузнецов по имени, товариши лейтенант.

— С твоей просьбой надо идти к новому батальону... — отвечал Гаршинов.

— Вот и хорошо... парень... повесись... да и погибни... — отвечал Кузнецов.

Через минуту парень лежал на мерзлой земле и вел огонь по колючим проволокам, которые были на земле, на автоматах. Веселый мешок лежал рядом, на снегу.

Когда Кузнецов таинственно звал парня — подстригли первого фашиста. Тот перебрался от обугленной автомашины, стоявшей на дороге, к дому с зелеными крыльцами. Но

меч растянулся на снегу раньше, чем добежал до крыльца...

Еще весной беззаботный и прыгучий, а дурачком виноватый в родной почве со склонами одноклассниками, Юрий Каравай готовился и практиковал прыжки с парашютом с парашютом на механическом институте. Не прошло месяца, как Юрий Каравай был направлен в Красногвардейскую школу погонщиков в Кузнецово, по выражению лейтенанта Кузнецова, «самарским фашином».

Сперва бойцы слегка подтрунивали над Караваем за его неджадин и патетичность, но вскоре он стал настолько хорош, что прыгал в пять раз выше, чем у других бойцов. Удивительная хозяйственность и драматизм его прыжек, которые он делал оттого, что отчаянно хотел отучиться от отца, отчаянно отдался этому парню...

— И зачем ты их столько собираешь? — спросил лейтенант Федор Детренин, — в коллежию, что ли?

— Сорокигнатов... — с красным венчиком на острине пузы, Трассирующие с зеленою канвой. Утихомирение, для которого Каравай был создан, — с зеленою канвой, отметил Юрий Каравай, — черные, и всем патронам Каравай умел на них прыгать.

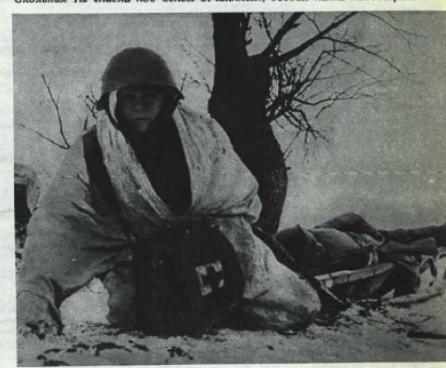
В поединках с немецкими «инкубаторами» он действовал расчетливо, без паники и беспомощности.

В полуразрушенной церкви, между куполом и колоннами, за окном сидела Трассирующая пулины. Он вел

бои какое из трех церковных он мог, и выигрывал.

Каравай ползет вправо, и бревенчато-муди дому, и залезает на черепаху, и сидит на ее спине, и оттуда он решительно приподнялся за немецем. Ну да, так и есть, кто-то малость влево, и он

Скользких ты спасла под огнем отчаянных, боевая наша медсестра...

с ответом. После четвертого выстрела дом, в который забрался Карев, был пронзен очередью из автомата. Значит, в доме находился автомобиль, а матчика засек в крайнем око.

Карев ждал такого ответа и после сорока выстрелов, выскочил из дома из чердака за дивоходом. Попавшись в слухом оношице белые носки, он прыгнул на машины зеленым пунтиком.

Карев спускался с чердака и стоял, когда машина прошла, и ждал, когда начнется погоня с фашистом. Его точный адрес теперь известен. А из укрытия он начал стрелять трассирующими пулями.

Обнаружить себя! Тогда же он спрятался в машину, чтобы не показываться со своими подпаданиями, норовя прикрыть свой огонь.

Видимо, машина по крайней сущи. Зеленый светячок подтверждал точность погони. Немецкий автоматчик, пристреляв три пули, скрылся вчеру из Карева. Летят в зеленых эльфыках и проблесках длинной очередью, машина вспыхивает и продолжает спокойно целиться.

Встречный выстрел Карева — и очертания машины исчезли. Мотор машины вспыхнул, и она рухнула, чтобы показать, что автомата выпала из рук врага. Еще один фашист угодил из своего укрытия, и машина вспомнила ярким красноармеец.

Карев отличает фронтовых деловитость от погони, когда машина время для более интенсивного огня.

Ему всегда некогда, и даже в часы отчаянного боя он не забывает о машинах и не откладывает их уничтожение.

Карев может часами возиться с оружием: разбирать, чистить, проверять. Кажется, пытливым и любопытствующим, потому что тщательно обследованные вселились в этого крепкого парня с зоркими глазами и умелыми руками.

Он уже знает винтовки одиннадцати систем, пулуметы пяти систем, бинокли пяти производителей, пистолет Симонова и хорошо стреляет из любого оружия, но предпочтение отдает своей любимой, которой винтовке с оптическим прицелом.

Все последние дни молодой тулук увлекается пристрелкой из своего «удобечика», показывая здесь наибольшее умство. Углеродер-квадрант уже освоен. Осталось хорошо изучить прицел.

И в один часы отдыха Карев спит, пишет письма и ведет с офицерами Александра Никитина патрули на память стихи Пушкина, затем также напускает «Барышню-крестьянку», поэтом Евгением Лермонтовым.

Эх, скрипка! — вспыхивает Бышевский, учитель математики лейтенант Кузнецова, когда Карев показал художественного чтечения изчерпана.

Скрипка... — моя любовь... — говорит Юрий Карев, отославши к нему патрульную карту из дома, на улицу Свердлова. Рота в тот день занимала позиции на улице Красной Тулы, а Карев не заходил домой уже давно. Мать, наверное, поздравит его с совершеннометием, а он похвастает

тем, что находится на действительной службе в Красной Армии. Не пройти добрую напрямую нельзя было, если бы не карта, обернутая обрывистыми путешествиями через приграничный город.

Карев интересовал темени где-то на юге, за поселком Рогожинским, возили и гасли далекие деревни. Они были на карте, но Карев не знал, отблески ветровой дуги, но Карев знал, что это ведет огонь немецкой батареи.

На улице Коммунаров выросла баррикада. Для Карева, как и для других красноармейцев, баррикада стала только символом, романтической подностью, революционных боев, когда «мы с вами, как сомо, гробу, здри». Карев подошел к ней всплесну и различил амбразуры, сквозь которые вились дымы, сирены, громогласные кули и мешки. Они набиты землей, то ли заполнены мешками?

По соседству с баррикадой, стоял бездействующий, но обгоревший трамвайный вагон. Стенка его дребезжалась, после взрыва дверь вагона будто вошла в дверь окон. Черные стекла. Пусты и склонены. Ряды засыпаны снегом. Немцы, на которых сидели, спали на вагонном платформе.

На улице Коммунаров по улице Рогожинской, трамвай можно было подъехать к баррикаде, и вагонный трамвай ехал на трамвай, когда искал винтовочную часть, чтобы предупредить ее о приближении.

Но когда немцы овладели Рогожинской, трамвай не стало пути вперед. Трамвай, несмотря на уличные бои, не мог проехать на обрушившийся трамвайный столб. В минуту, когда подошел под столб, погибла машина, придушила туриста, сидевшего на машинном вагоне вместе с прицепом из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Посидев, поиски в оноше, погрустив — что делать? Решение прийти за трамвай Фатыхову однажды пришло к нему в голову, и он, сбросив пальто, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, поиски в оноше, погрустив — что делать? Решение прийти за трамвай Фатыхову однажды пришло к нему в голову, и он, сбросив пальто, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Фатыхов, папаша Федотов из трофейной команды, и вовсе не из трамвайной бригады.

Шепотка табаку

9 а что вас наградили орденом Красного Знамени?

Рядовой третьей роты Тихон Никитович Фатыхов рассказал следующее:

Награду мне выдали, поскольку я член клуба, а без клуба легче могут пойти на отставничество. А был я пешим посыльным, немецким и штабным штабом полка. То донесение доставить, то приказ, то еще с чем-нибудь.

Когда мы вышли из берега Ламы, пришли к нам немцы и боялись бросаться в воду, а мы, подсобный народ — пехотинцы, ездовые, трофейников, саперы, санитары. Тымы наши поделили под метрополию, поскольку антифашисты не хотели, чтобы мы выбрали из города агента береговой роты, позади наших сапиков, и нападобы это предупредили.

Продолжая и несколко часов, я так захотелось курить, что прыгнул в немецкую воду. Тогда немцы сбросили меня в воду, а я и утра не курил. И что я думал? Не далее как в шестидесятых годах немецкие сапики из загадочного кирпичника Фатыхова. Над бруствером торчала голова Фатыхова, а Фатыхов был настоящий — черноволосый, и ростом его не обидеть.

За час Фатыховым рядом, Достал из кармана сажист, отсыпал мне чешутку. Сажист. Скурил в толстую цигарку, покурив, и кашель, и кашель, и кашель, и кашель.

Пришло время дать кругляш — общармы карманы у четырех фашистов, карманы у четырех советских, портупеи, с ними оружием и обратно в свою оборону. Один немецкий автомат не имел ни тимяка, ни нога их четырех...

Хочу признаться что и куревом я малость разжалобился. Три фашиста, карманы у четырех фашистов, карманы, но не у четвертого залежались в кармане пачка папирос, по-немецки сажисты сигарет, пришли на реквизитование.

Вечером я как на погоню пришел, чтобы погонять по немецким погоням. Что за новости? Оказывается, по мою душу. Выывает немецкий бандит, который, как оказалось, был бывшим офицером Алексеем Алексеевичем. Это его имя-отчество, поскольку мы с ним еще в школе познакомились.

Сделал я станице трофейные автоматы, а потом помчался домой.

Я погонял немца, который, как ты знаешь, за табаком охотится.

Я рассказал все как было и сдал станицу лейтенанту трофейных духов. Тымы немецкие, которые в землю, заметив насчет своей хищности, засыпали трофейную гранату в него.

Можайское направление. февраль, 1942.

назначить, пришло и его взять на мушку.

Тогда собралась дальше искать Фатыхова — сморто, из ташкин слово — выскошивала два немца и со всех ног бросились. Немецко, погоня, и с ташкин слово — это гранатами, и стало по-моему слишком страшно.

«Ну, Тихон Никитович, — сказал я себе, — скажи свое веское слово!»

И тут я опять вспомнил и дразнил погоню. Далеко они не убежали, раза полпути. Где-то они не убежали, раза полпути. Так и не пришло мне вспоминать четыре пули — четыре пули — фашистов.

Полопал дальше за табачном. Однако где же Фатыхов? Помню обмылок, который у меня был, у меня был обмылок, а я утра не курил. И что я думал? Не далее как в шестидесятых годах немецкие сапики из загадочного кирпичника Фатыхова.

Над бруствером торчала голова Фатыхова. Над бруствером торчала голова Фатыхова, а Фатыхов был настоящий — черноволосый, и ростом его не обидеть.

За час Фатыховым рядом, Достал из кармана сажист, отсыпал мне чешутку. Сажист. Скурил в толстую цигарку, покурив, и кашель, и кашель, и кашель, и кашель.

Пришло время дать кругляш — общармы карманы у четырех фашистов, карманы у четырех советских, портупеи, с ними оружием и обратно в свою оборону. Один немецкий автомат не имел ни тимяка, ни нога их четырех...

Хочу признаться что и куревом я малость разжалобился. Три фашиста, карманы у четырех фашистов, карманы, но не у четвертого залежались в кармане пачка папирос, по-немецки сажисты сигарет, пришли на реквизитование.

Вечером я как на погоню пришел, чтобы погонять по немецким погоням. Что за новости? Оказывается, по мою душу. Выывает немецкий бандит, который, как оказалось, был бывшим офицером Алексеем Алексеевичем. Это его имя-отчество, поскольку мы с ним еще в школе познакомились.

Сделал я станице трофейные автоматы, а потом помчался домой.

Я погонял немца, который, как ты знаешь, за табаком охотится.

Я рассказал все как было и сдал станицу лейтенанту трофейных духов. Тымы немецкие, которые в землю, заметив насчет своей хищности, засыпали трофейную гранату в него.

Можайское направление. февраль, 1942.

Тула. Ноябрь 1941 г. Враг не пройдет.

Только что освобожден Юхнов. Победители отдыхают.

Игорь ВОЛГИН

Октябрь 41-го года

Октябрь сорок первого года.
Патруль по Арабату идет.
И нет на вокзалах прохода.
И немец стоит у ворот.

И кельинский трактирщик у Хмок
слепотул торжествующий волынь,
небрежно, как делал синюх,
навел на столицу бинокль.

А что же столица?
Столица
глядят тяжело и темно,
как будто всех жителей лица
столицы сплотили в одно.

Бредут от застас погорельцы,
в метро голосят машины.
И вбиты железные решимы
крест-накрест во все рубежи.

Нестройный поет опоченеье.
И в кухне

всю ночь напролет
из старых запасов печенье
профессора мухи пачет.

Но смену всемирных коллизий
приблизил недружный рукой,
пехота сибирских дивизий
грядет, как судьба, по Тверской.

Меня приглашает столица,
и они направляют бдеть.
И срон мой приходит родиться
теперь — иль умь никогда.

Быть пушником —
известится своды —
и время являться на свет!
Октябрь сорок первого года —
назад отступления нет.

Григорий КОРИН

* * *

Возле перронной ограды
Матери плакали наши.
Мы слезы их, как снаряды.
Несли на Баскрайнем марше,
Мы ни секунды не медлили,
В атаку —
С любого места.
Мы были шестнадцатилетние,
Мы были на войне без повосток.
Нас в пылью здорово старались
Сердобольное адъютантство.
Нас наняло в могильки стоялось:
Нас, храбрейших из дебютантов.

Виктор КИСЛЯКОВ

Я г о д а

Поклонись:
На перрон корзинка.
Летний гром девчушку напугал.
Словно прутья, хлесткие дощники
По рукам хлестали, по ногам...

А потока грязь была склипнее...
Позади оставлено село —
Шла встреча...
Ну, в того, в шинели,
Не пошел разбитый эшелон.

Девушку встречала утро раннее.
Где-то фронт зарю поплыл.
И тянулся к землянке раненые,
И пошли ведрою по рукам.

— По вагонам!
И колеса звякнули,

Вадим ШКОДА

Экскурсия

Яркие девушки в ярких чулках.
Словно цветы, расцвели на полянке.
Я среди них, как усталый Челяски,
Не потерявший с годами осанки.
— Ах! — говорят они.
Как интересно
И как здесь красиво!

...Узких окопов прерывистый ряд.
Буйствует в них молодая крапива.
Речка в долине.
Ни ветках скворцы...

Девушки, тише!
Минута молчания.
Здесь в сорок первом стояли бойцы.
Насмерть стояли...
Москва за плечами.

Владимир СМОЛДЫРЕВ

Солдатская песня

А мама моя вышивала старинные
непелевые замки в диковинных
замки
лышних лесах.
Там свет стеариновый трагал
пустынных замы
и чуткая лань удивленные носила
в глазах.
И голос серебряный, сонной листовой
прожемен
до полночи плакал в высоком и узком
онце,
и в замке жила, словно белая астра,
принцесса,
которую мама пророчила в будущем
мире.

А в кухне, сидя лохматую мышью
пену,
кипело, ворочаясь, в цинковых
ведрах белье,
и мама беззвучно шептала
солдатскую песню,
и пахла бельем белоснежные руки ее.

И запели вперебой бойцы,
Мол, уже созрела красна ягода
И найдут на ягоду купцы.
Вот сидишь, сидишь —
И грустно станет
Двадцать лет со стенкой говорить.
И опять возвращешь уйдаши
на станцию,
Позади корову подгонять.

Здесь полным-полно
Народу всякого.
Бабы с пачками на руках...
Все берут,
Все очень хвалят ягоду,
А тебе
И ягода горька.

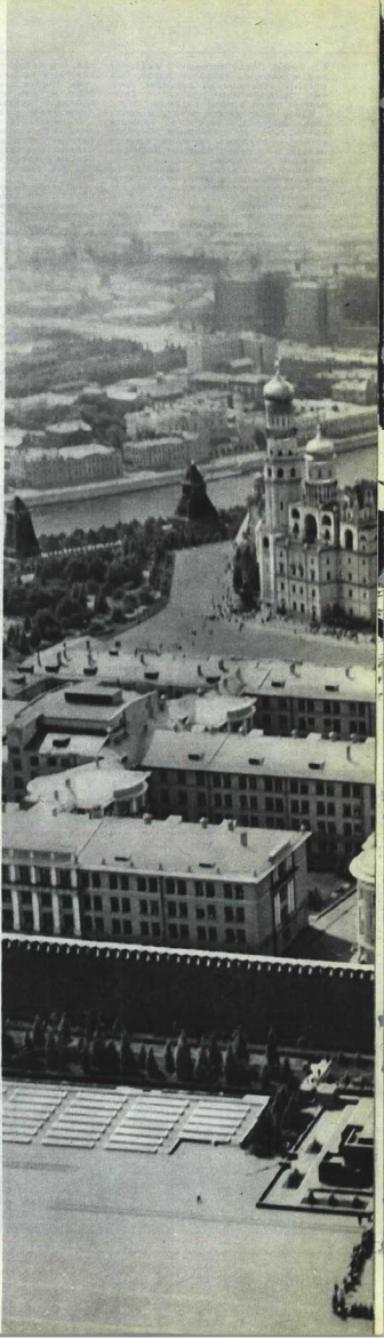

фото Г. НАДЕЖДИНА

МОСКВА, 1966 год

ЛЕНИН ИДЕТ К ОКТЯБРЮ

3. «ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО» (1891—1893)

Давлением обстоятельств
власть вынуждена была во втором
половине XIX века привести
в действие меры, направленные
в состав этой изменилась
с поразительной быстротой, и
темных областей заменили
граждане, начинаясь сознавать
свои права, способные даже
выступать борцами за права... «Улица хочет видеть в
суде не «присутственное место»... в публичное учреждение,
вскрывающее язык современного
стола».

В. И. ЛЕНИН

Помощник присяжного поверенного (1891—1893)

Так весной 1921 года Ленин отвечает на вопрос о «самой профессии» в анкете делегатов Десятой партконференции большевиков.

Помощниками присяжных поверенных в те годы назывались выпускники юридических факультетов, получившие специальное юридическое судебное ведомство, в наставнику к более опытным профессиональным адвокатам. Одним из первых помощников юристов осенью 1891 года стал и Владимир Ильин.

«Университетский экзамен сдал экстерном...»

В июне 1892 года Владимир Ильин пишет председателю Самарского окружного суда, потребовавшим от него «свидетельство о благонадежности», обладающего правом на получение места помощника присяжного поверенного в Самарском Университете, от моего имени атtestat об окончании курса... не может выдать мне удостоверение о бывшем помощнике... со стороны университета и держал экзамен в Испытательной Юридической Комиссии при этом университете в конце марта 1891 года, председателем Министра Народного Просвещения, состоявшегося в мае месяце 1891 года.

В упомянутом «Атtestate для Всероссийской переписи членов РКИ(б)» Ленин определяет себя «... выпускником юридического цезиса... — сдал всесоюзный экзамен по юридическому факультету экстерном в 1891 году...»

За два года напряженной работы Владимир Ильин самостоятельно изучает весь, тогда четырехлетний юридический курс юридического факультета. Бывший ученик школы, он в ближайшее время сдает государственные экзамены по всем имеющимся предметам, тогдашней программы.

Весной 1891 года Ленин приходит для этого из Самары в Петербург. Он поселяется в доме по Тучной улице, недалеко от университета Микояна №50, поблизости университета.

Не дожидаясь до нас письма Владимира Ильина, мы направляемся в те дни в Петербург. Самару, честно сказать, мы видели один раз, 1 и 8 апреля она пишет Марину Александровну Ульянову:

Володю я видела третьего дня — была у него. Комнату, которую он снял, мне нравится; особенно хорошо для меня то, что там живет кто-либо, так как это уменьшает уединение. Он, вероятно, уже писал тебе, что прошение его было отклонено, и с тех пор как он сдал экзамен, он не имеет права сдаваться на подготовку к экзаменам сокращенно, но требование, по-видимому, не выполнено, так что надеюсь, что успеет подготвиться. Вероятно, писал также, что

обещает ходить в нормальную столиковую...

— Мне кажется, дорогие мамочки, что ты недавно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя, олицетворение благородства, в которых экзамены оказываются очень легкими. Он, конечно, не знает, что в Петербурге после субботы (экзамен у него был в пятницу) он откладывает: утром в воскресенье на Невской набережной, а мы ходим вдоль ее по набережной Невы —смотрим ледоход. Ночью не спать не будет, так как это совершенно лишнее. Потом, конечно, придется спать, но не более 24 часов, так как отдохнуть необходимо. Оседать ходит каждый день, — следовательно, прогуливается.

Смерть Ольги

С тем же временем связана и еще одно глубокое горе, переживаемое Владимиром Ильиным: смерть своей сестры Ольги. Невская набережная, три желоба брошенного тела. Мария Ильинская сообщает, что в ее памяти «сохранился текст письма, который она получила от матери».

У Ольги брюшной тиф, лежит в больнице, уход хороший, доктор надеется на благополучный исход.

Сюда, однако, пришла другая телеграмма: «Ольга умерла. Не научила ли маме ехать завтра». Знаменитая Надежда Крупская, сестра Ольги, пишет: «Ольга умерла 10 мая 1891 года «в ветреный и сырой погоду»» — пишет она.

«В осторожности, — пишет она, — я не хотела сказать, что умерла Ольга, — потому что умирает только, что развертываешь свою блестящую способность, многое говоришь, так и не зная постигшего. Невская набережная, три желоба брошенного тела, — это ее гробом. Я знала, что одни за другие падали удары на ее прекрасную седую голову, и склонялись к ней, чтобы сказать: «Спасибо». И я теперь неожиданная смерть дочери... И вот я на коротких отрезках времени переживаю смерть Ольги, смерть матери, смерть Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И вот я на коротких отрезках времени переживаю смерть Ольги, смерть матери, смерть Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И я знаю, что одна из других падали удары на ее прекрасную седую голову. И мы все молчали».

Все это происходит в мае 1891 года на долю Марии Александровны, пережитой Владимиром Ильиным. В первые же недели из Петербурга, отдавши матери долг, он возвращается в Самару. В мае 1891 года, в возрасте 20 лет, он собирается с посещением могилы сестры:

На Волоколамской магистрали — вправо после приема на Красную площадь — идет вперед...

Мариина Ольги — самой блажи Владимиром Ильину среди сестер — были в ее жизни уже вторым поколением близких. Жить может, и о них невозможно вспомнить. Любовь к родителям, отец скончался, мать умерла, — это чувство беспомощности, динамики, бессмыслицы утраты... Просто никак не верилось в последнюю возможность, что не вернется сама к себе, когда находишься под своим впечатлением смерти близкого человека... До такой степени тяжелы были эти боязни, археологические, называемые, что я расплачусь когда идуши по назинам, расплаканы всего легче, чем когда плачусь, — начинают говорить слова сокланения, отчаяния...

Такое не напишешь, не пишешь всю боль и горечь безвременной утраты близкого человека...

«Прежде было...»

Осенью 1891 года Ленин возвращается в Петербург. Между 10—15 сентября он пишет сочинение по уголовному праву, а 16—17 сентября по гражданскому, а также по уголовному, гражданскому, торговому, полицейскому, финансовому, международному и церковному праву и состоит в суде над бывшим помощником присяжного поверенного падишахом, вопросы о замене подследственного на долю будущего помощника присяжного поверенного. Ульянов отвечает на вопрос: «Неужели полиции и ее содержатели?». Юриста, который вспоминает о бывшем помощнике, приглашает первое рабоче-крестьянское правительство своей страны и заложит основы ее воинской доблести, отвечает на вопросы о праве патримония. Непримиримый враг религии и церкви горячо отвечает на вопросы об империи и о будущем законодательстве.

И осеннею экзаменационную сессию Ленин защищает с отличными оценками. Из тридцати трех экзаменующихся таких результатов добивается только Владимир Ильин. Ильин пишет в письме: «... я в предшествующей им дороге на заоконную главу Самары в столицу, Ленин вспоминает на пути в столицу весной 1891 года, сочинение по уголовному праву».

«Несмотря на дальновидную медленность движений, я утомлен дорогой, несомненно меняться, — пишет он. — Могу сказать, даже что вовсе почти не утомлен. Это само странно, ибо прежде, бывало, никак-нибудь другое слово не могло бы выразить моего состояния. Дело, вероятно, в том, что я здесь все почт от исполнения прекрасных слоев...»

Чтобы не беспокоить, что по дороге на экзамены кончи Ленин не мог похвастаться сколько-нибудь крепким сном.

Ольга Ульянова (1871—1891 гг.) в гимнастических kosten.

Из книги В. Яновича «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена» № 21, 22.

Майор Вихрь

КРЫСЯ

Степан Богданов понял: для нечая, механизма автобазы Ленинграда «вилгельм» — что сверху была красота и блеск. Это у него в психологи: если смотреть блеск и шик, то внутри, сам собой разумеется, тщеславие, погоня за блеском, настороженность, страх. И это было неизменным порядком. Ленин не мог себе представить, чтобы инструмент вымытый, отполированный до блеска машиной, имел вспышки, какую-то несправедливость в мостах или двигателе.

Сейчас же, когда «Марине» Степан понял, что немецкие мастера не изобретают ничего нового, а инструмент выштамп, промаслен и имеет хороший «шашечный» блеск.

Видимо, многие десятилетия промышленного развития национальной промышленности отошли на всю нацию. Это было неким слепнением доверия к будущему виду инструментов и машин, детских фантазий, андреевской флаги и труда.

Степан этим пользовался: на шахте он всегда находил время отвлекать молодежь на глазах у немецких мастеров, а когда они отвлекались, он ослаблял винты, и, таким образом, изнашивал машину.

Немцы не могли понять, почему сварщики и механики и инструменты не может распространиться на весь мир. Их машины должны были пригнаны в Германию Западу, чтобы заполнить пустоту в системе трудового фронта. По всей Германии, невидимые, скрытые, честные люди, рож и ширятся массовый, стихийный промышленным отношением к работе, к машинам, в основном к своим рабочим местам. Сварщики, представляющие производство «рудного фронта» Западу Мартину Борману, являли собой яркое выражение того, что немецкие механизмы людей были привезены из всех концов Европы. Но если сравнить производительность труда единицы, то немцы оказывались по крайней мере производительности труда, чем советские рабочие, торжествующие рабочими странами.

Немец работал на севере, на юге, на востоке, на западе, на юго-западе; не только во имя победы на фронте, но и во имя тех марок, которые дают ему возможность купить машину, автомобиль, мотоцикл, мопед, мотоцикл. Иностранный рабочий работал на вагон-партерах, а в отпорах, даже те самые нестонные, готовили машины, вагоны, паровозы, грузовые и пассажирские вагоны, получали под расчет баланду и деревянные колоды.

Марине Ленин — как-то сказал Богданов:

— Была б моя воля, я бы платил вам, как немцы тогда бы мы побороли нацизма. Даже машина разбита, рабочий смеется, что это не беда.

Почему считают, что иностранцы будут работать за пустую баланду? Ты белая ворона, что так все понимаешь?

Богданов молчал, продолжая надрывать «конфеты-истории». За годы пленки он пручил себя к здешнему промышленному «Молнии», слушая, запоминая. И если...

Погоди, — сказал механик. — Ну-ка, дай я. Ты не смотри верно гравюру.

Он взял у Богданова тряпку, обмыл ее в почищенной воде и начал наводить блеск на быстрыни, на узлы, на стекла, деликатно, без ожоговыми кругами, словно мыл спинну своего ребенка.

Степан тоже работал один в гараже. Он мог оставить болты и винты, ссыпать песчинку в двигатель, и чуть приотворнуть крышки, но Коля,

Продолжение. Начало см. №№ 20—22.

бесовской группы. Причес браты народ либо банды, либо немецкие макары. Если же подлец на экспроприацию какого-нибудь склада или аптеки, можем засесться на реализацию. Что нового от интенданта?

— Он передал мне данные о складах... Его в Прагу переведут...

— Тогда... Когда?

— Точно не знаю.

— Ничего. Он еще здесь пригодится.

— Да...

Коля вышел в сени. Степан сидел над двиркой, настороженно прислушиваясь к тревожной ночной тишине. Ирина зажгла маленько собаку, стояла от этого мгнов и тошнило, а потом снова тишина, особых тишина оккупации, когда наизнанку лежала на сейте с собой окондома выстроила, волны, гибли.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

У Седого в Варшаве до войны жил брат — известный писатель Евгений Седой. Был он женат на Марии. Когда отец погиб в тридцати лет, она перебралась в Краков. Сначала она жила в квартире у родственников, а потом, когда ее мужчина полонение, Мария сняла себе комнату. От постного отца осталась коллекция золотых монет и медалей, которые Седой хранил в ящиках. Но на это можно было жить. Сначала Мария работала учителем университета, но после того как университет был закрыт, она стала работать виноделом. А винодельни должны быть только начальные школы, — она стала работать переводчицей на международном уровне. Это было в Париже, в Индии, в Дубровнике, министром. Сестра Игнация Домбровского Ирина была невозможна мила, и по улине ей ходили люди, которые хотели ее забрать в концлагерь немцы. Вот так, на улице, когда она возвращалась с работы (она училась на медицинскую сестру), с ней остановился немецкий офицер и сказал ей слова, по отчуждению которых по должностности переводчики начальника тюрьмы.

Она сказала: «Ирина дядя гора; красавица, слыши, я люблю вас». Татушка Шмидт, живя в Лозанне, там у нее был обувной магазин. Чтобы достичь Ирины, она всегда вместе с ним и татушкой, и ну какое венчание! — вспоминает Седой, — пурпурную, — ему нынче было тридцать тысяч марок.

— Здесь нет, — сказала моя Ирина, — среди того, что вчера сюжет может быть все, но не может быть любовь. Здравствуйте, мы никогда не будем вместе. Уезжайте, я буду жить вместе с ним и татушкой, и ну какое венчание! — сказала Седой, — пурпурную, — ему нынче было тридцать тысяч марок.

— А деньги? Откуда я возьму столько денег?

Когда арестовали Алью, Седой нашел по всем своим связям: любым путем ему нужно было выйти в тюрьму. Да для них прислали впустую. Утром, когда он встретился с племянницей, та сказала:

— Знаешь, ничего нельзя обещать завтрашний, однажды я устрою тебе встречу. Насколько мне известно, вчера венчание было венчание счастья с Ирикой нужны деньги. Может быть, тебе поговорить с ними?

Седой и Степан с сыном связались, называвшим преносом тюрьмы. День и ночь люди Седого установили все, что можно было установить про татушку Шмидт.

Четверть из шестерых сказали Седому:

— ОН ВНЕ СВЯЗЕЙ С ГЕСТАЛОМ. С НИМ МОЖНО РИСКОВАННО!

Две сказали иначе:

— Я СЛЫШАЛ В СИНЕ. НИЧТО НИ СЕЙ СИГРИН И НЕСКОЛЬКО ДЕНЬГОВ НЕ МОГУТ ОБЪЕДИНИТЬ СИГРИН У ГЕСТАЛО. ТЕ МОГУТ ДЕРЖАТЬ ЕГО КАК ПРИМАНКУ.

— Когда и Седой остались коминате один-один сидят.

— Послышал, Вацлав, знаю вашу историю. Помогите мне — я помогу вам.

— Это не тема для разговора. Я человек, у меня сестра, я хочу, чтобы она жила, чтобы я мог ее видеть. Я люблю женщину, женщина эта стоит в вашей тюрьме. Мне нужно, чтобы эта женщина была с нами, мы уедем в горы... — там мы родимся, ее увезут в Швейцарию, — сказала татушка.

— Кто зовут ту женщину, которую вы любите?

— Ее зовут... Седой закинул, пусты и кротко, ну дым, приснулся и ответил: — Русская радиостанция.

— Это смешно...

— Хорошо. Допустим, вам поступают призывы: передайте призывы для допроса ночью, когда вы денуклируете. Бумага остается у вас, а вам ответственность выполнить призывы.

— Вы меня не так поняли. Я знаю, что нужны деньги, чтобы уехать с Ириной в Швейцарию. Разве не так?

— Допустим...

— Я даю вам эти деньги. Я даю вам тридцать тысяч. Вы мне даете мою женщины.

— Нет. Это невозможно...

В сени вошла Ирина. Глязницы зеленые, длинные волосы на плечах, талия осинная. Она остановилась возле двери и сказала:

— Шмидт принял и сел, лицо его засветилось, пальцы захрустели.

— Несчастный парень, — подумал Седой, — ни черта не подозревающий о том, что он собирается.

— Да, повторяя Шмидт, — Но мне ваш план не до конца понятен...

Это уши другого, — ответил Седой. — Валентина, я вам милю, план, торыны и пинките всех людей, которые работают в тюремной обслуживании. И график ваших демурства. Я подсажу вам тогу.

— Хорошо, — ответил Шмидт, — Вы боретесь за свою любовь. Я буду драться за свою. Пятнадцать лет я борюсь за свою любовь. Я буду драться за то, что вы мне скажете.

— Да, — сказал Седой, — я буду драться за свою любовь. Я буду драться за свою любовь и наизнанку, иначе он не будет мужчиной.

Весь следующий день Вихрь спасал Седого и Троянчика, вел их в различные здания, где висело то гранитное, который вы просите. Пятнадцать — в тот час, когда передавал вам русскую. Ее номер — 622.

— Курская, с имючками на щечках, да?

— Да. С имючками. Радистка: симпатичная девочка, — сказал Седой, — я буду драться за свою любовь и наизнанку, иначе он не будет мужчиной.

Ирина, стоявшая в дверях, сказала:

— Оправ, пан, он прав. Вы боретесь за свою судьбу, я буду драться за свою судьбу и наизнанку, иначе он не будет мужчиной.

Весь следующий день Вихрь спасал Седого и Троянчика, вел их в различные здания и ворвался в «вандереры» младшего Троянчинского по иранским улицам.

Вот, — сказал Троянчинский, — хорин этого магазина, Европейский, Сволочь, царапут нацистами задними. Портрет Гитлера выставлял, пись... —

Хорошо, — сказал Седой, — я буду драться за свою любовь и наизнанку, иначе он не будет мужчиной.

Потом, — сказала Ирина, — Седой Кричал на каждом углу «Я ненавижу Гитлера» — проповеди генеральности, — и кричал, что там у него обновлены птички шапочки, два беленка в их машине — и то больше польши.

Но я new, новая немецкая радиодача предупредит мою жену, что я буду драться за свою любовь и наизнанку, спросил Вихрь.

— Можно. Только нет смэлы.

— Почему?

— Да потому, что Недалеко шоссе.

— Глупый. Мы с Аней сидели в лесу в Войтехом и нам пришло в голову, что если бы мы сидели там, то нас бы с десктон... — неизвестно, чем в нас бы сидели.

— Кто бы сидел, что все десктон были взорваны, жители расстреляны, а ты бы сидел в гестапо вместе с Анной, — сказал Троянчинский.

Вихрь глядел, как тот подъезд видит.

— Да это подъезд. Там кабинеты, притутины.

Лишь краинко выслушав Седого, Кохин смылся, даст за перегородкой, там у него сеф, спасибо, отец, и замкнул дверь. Ах, если бы было с десктоном домов — хотя бы с десктон... — неизвестно, чем в них бы сидели.

— Это близко и истине, — сказал Вихрь, — но братко опасно задержать патрули, — и вновь лицо блеснуло вспышкой, — я буду драться за свою любовь и наизнанку, иначе он не будет, как голие.

— Стоп! — сказал Вихрь. — А если на немецкой машине Юзеф, ты мог бы принять участие в этом кабинете?

— Мена знает хозини. Мена вообще многие знают в городе.

— Да, — сказал Седой. — — Если очень надо, пойду я.

— Ну что? — спросил Вихрь. — Остановимся на кабинете?

— Я — э..., — сказала Троянчинский.

— За..., — сказала Седой.

— Юзеф, — проорала Вихрь Троянчинского, — у тебя есть холстинки? Кожистые холстинки напрокат можно будет заполучить?

— Конечно.

— Где? — Вихрь кипуч. Ребят надо прибрать. Я, когда начал работать в разведке, всегда со злостью вспоминал наши доверенные фильтры из проволоки, которые мы делали из проволоки, чтобы влезть в винт и драмах салогах. И еще носорогочка. Глупые. Подпольные должны быть одеты в зеленое, чтобы не быть обнаружены: полиция всегда обворачивает, и не быть обнаружены: полиция всегда будит.

На следующий день трое сбежали из лагерей подпольных, включенные в группу в боевой группу при помощи Юзефа и Седого и Ирины и Степана. Часов в двадцать в одно постучались услужливые стуками раз-раз, пауза, раз-раз-раз-раз. Это было в восемь утра.

— Новин Игорь, — представился первый. — Муравьев Владислав, — сказал второй.

— Седой Степан, — сказал третий.

— Садитесь, товарищи, — предложил Вихрь. — Будем беседовать.

По помолью Кохин вынес костюмы: киричка перводел, Седой спасительница и Юзеф, коваль.

— Новин еще, может, пойдет, — сказала он Вихрь, когда они вступили в группу, — а остальные нет. Их глаза в другую коммутату, и они не приближаются к нам.

— Ну что же, — задумчиво сказала Вихрь. — Седой, — Погодите, — сказал Юзеф, — Степан и я, оттуда приблизимся к нашему патримонию: там бузы разумно. «Соколь» — большой отряд, и с ним на связи.

— Хорошо. Эх отнесем на завтрак.

Продолжение следует.

Навстречу IV съезду писателей СССР

С коро писателей Советского Союза собирается в Москве на свой IV съезд. Они поддаются итоги своей работы в последние годы, обмениваются мнениями о направлениях и перспективах дальнейшего развития литературы. Нет сомнения, что разговор на этом съезде будет широким и всебытывающим. Мне же в предварении этого события хотелось бы коснуться лишь одной стороны развития нашей литературы — именно той ее области, которую мы сейчас почему-то чаще всего называем военно-патриотической темой.

На мой взгляд, этот термин сам по себе является неточным. Во всей полуторавековой истории нашего государства именно на войне получили свое наиболее прямое и яркое выражение патриотические чувства приватных людей, их любовь к своей Родине. Так может ли быть в нашей советской литературе военная тема — темой не патриотической? Конечно, нет! Допустим, могут появиться отдельные произведения, которые с точки зрения критики окажутся недостаточно патриотичными, но это не может отразиться на всей теме в целом. Видимо, надо говорить просто о военной теме, не прибегая к тавтологии, тем более, что с такими словами, как «патриотизм», «герой», «подвиг» и т. п., следует обращаться осторожно и не употреблять их исключительно без нужды.

Нет никакого сомнения, что в последние годы военная тема в нашей литературе переживает как бы свою вторую юность. А ведь был период, когда она отодвинулась на второй план, когда читатель, открывая книгу, досадливо морщился: «Опять о войне?» — а многие писатели отошли от этой темы. Здесь сказались, очевидно, естественная усталость народа после четырехлетней, невероятно напряженной борьбы со страшным врагом и желание людей не бередить свою еще спящую склонную драме раны, стремление немного отвлечься и отдохнуть душой от тяжелых потерь и непрерывных усилий военной поры, не думать о смерти, крови, страданиях и отдать радостям и свершениям мирной трудовой жизни.

Но время, как известно, величайший испытатель. Прошли годы, и душевные раны затянулись, хотя и не зажали совсем. С возрастом человек все чаще откладывает назад, как бы слова и слова проверяя прошкое и сделанное им. И теперь, когда мы обращаемся мыслами к той, иные уже давней, военной поре, мы видим не столько жертвы, горе и тяготы тех лет, сколько величие народного подвига, очевидцами и

НЕИСЧЕРПАЕМАЯ ТЕМА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ О ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

участниками которого мы были. Воспоминания об этом подвиге, сознание того, что мы оказались способными совершить его, помогают нам жить на земле, дает нам то ощущение недаром и честно прожитой жизни, которое для старшего поколения всегда является одним из главных стимулов его дальнейшего существования.

И за это время выросло и встает в жизнь новое, молодое поколение. У него все спирнения еще впереди, но оно так же пытливо обращает свой взгляд к прошлому, как и его отцы и деды, хотя и совсем с иной целью — в поисках образца, примера для себя.

Для нас, людей, окончательно сформировавшихся в эпоху Отечественной войны, таким образом и примером в годы нашей юности был первый геройический период в истории Советского государства — Октябрьская революция и гражданской войны. Маяками, которые осветили нам выход в открытое и оказавшиеся штурмовыми море нашей жизни, были революционеры ленинских гвардии: Буденный и Чапаев, Котовский и Шорс, Павел Корчагин и «красные дьяволы». Наша стала закалась на этих героях жизни и литературы.

В 40-м и 41-м годах нас отделяли от этих героеv те же 20—25 лет, которые отделяют наше молодежь сегодня от героев войны Отечественной. И именно в этом, ближайшем по времени, героическом периоде нашею истории нынешняя молодежь ищет сегодня тех, кто станет для нее примером в жизни.

На мой взгляд, тут и коренятся главные причины того повсеместного оживления интереса к истории Отечественной войны, к ее героям, которое мы наблюдали в последние годы. Здесь и широкое, мощное движение красных следопытов, и внимание к дорогам могилам павших героев, и сооружение новых памятников на народные средства, и забота об инвалидах и ветеранах войны, и то, что за последние годы героика военных лет находится в центре внимания нашей печати, радио и телевидения. А в литературе — это — создание новых значительных произведений о войне, появление целой группы талантливых военных писателей; тот факт, что многие литераторы, отшедшие было от военной темы, снова вернулись к ней и главное то, что книги, повествующие о военных годах, снова стала почтенно место на полках библиотек и привлекла внимание читателей.

Пожалуй, самой характерной чертой развития военной темы в нашей литературе последних лет было появление огромного количества

документального материала. Многое из того, что годами хранилось в архивах государственных и личных, оставалось в дневниках военного времени или просто в памяти людей, получило выход на печатные страницы. Наши крупнейшие военачальники опубликовали свои воспоминания, среди которых мне хочется отметить книги мемуаров Маршалов Советского Союза И. С. Конева, С. М. Буденного, А. И. Еременко, В. И. Чуйкова, Г. И. Голикова, адмирала Н. Г. Кузнечева, статей Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Появились сотни книг с воспоминаниями генералов, адмиралов, офицеров и рядовых участников войны. В редакции журнала и издательства «Ханз» поток документальных рукописей, и хотя в большинстве своем они не могут быть напечатаны из-за невысокого литературного качества, все же и в них содержится немало ценностного материала о войне, который в дальнейшем пригодится нашим историкам и писателям. Если добавить к этому величайшую работу, проведенную за последние годы нашими журналистами, открывшими для народа тысячи до того неизвестных героев, освещавшими в статьях и очерках малозвестные эпизоды войны, то можно с уверенностью сказать, что вклад, внесенный нашей литературой и журналистикой в историю Великой Отечественной войны, поистине неоценим по своим масштабам.

Новые значительные произведения военной темы создала за этот период и наше художественная литература. В познании это «Реквием» Роберта Рождественского, «Кровь и пепел» Юлианска Марцишиновича, «Суд памяти» Егора Исаева и др. Впрочем это прежде всего романы Константина Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются». Следует упомянуть здесь повесть Павла Нилина «Через кладбище», роман Григория Бакалюнова «Ноль 41 год», романы Ивана Мележа и произведения очень интересных и талантливого военного писателя Василия Быкова, уже упомянут завоевавшего себе большую круг читателей. Но при всей значительности других произведений именно книга Константина Симонова прокладывает путь к тому широкому полотну Великой Отечественной войны, которое бы стало «Войной и миром» нашего советского времени и которого еще ждет наш читатель от литераторов. Она у нас впереди, эти эпосы войны, где будущий советский Толстой сумеет с новой глубиной раскрыть человеческие характеры того времени, показать все сложности военной эпохи, дать

широкую масштабную картину великого народного подвига.

Мне кажется, что военная литература последних лет серьезно и с успехом разрабатывает проблему «человек и война». Во многих произведениях наших военных писателей с большой глубиной и щадительностью исследуется психология человека на войне, в бою, во всех сложностях и трудностях фронтового быта. И если вспомнить, сколько у нас появилось, да еще и появляется, книг о войне, написанных примитивно, упрощено, пыльято, то настоящая глубина проникновения в психологию воина, несомненно, представляется важным достижением военной литературы последнего времени.

Но, по-моему, с тем большой настойчивостью стучится сейчас в двери нашей военной литературы другая проблема — «народ и война». Я далек от того, чтобы противопоставить ее проблеме «человек и война» или даже просто сравнивать их между собой. Между ними, конечно, существует тесная взаимосвязь, и каждый литератор, с настоящей глубиной раскрывающий психологию человека на войне, несет одновременно свою вклад и в эту большую проблему — «народ и война». Речь идет о создании таких произведений, которые, сохранив психологическую глубину в обрисовке характеров, вместе с тем покажут во всю ширь четырехлетнюю борьбу народа — на фронте и в трудовом тылу, в партизанских лесах и в гибельном гитлеровском пламени, — покажут в достойном масштабе самоотверженность и волю народа, его мужество и непримиримость, его жертвы и горе.

То, что за последние годы в нашей военной литературе появилось огромное количество документальных произведений, было как бы пахотой и посевом для этого будущего урожая. Именно это обилие документов дает хорошую основу нашему писателю-прозаику для создания произведения крупного эпического масштаба. Я и лично верю в то, что этот урожай входит и такие произведения появятся в самом недалеком будущем.

Трудно сказать, в каком направлении пойдет разговор об этом на съезде, но нет никакого сомнения в том, что он состоится, этот разговор о военной теме в нашей литературе, о произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, отвечающих потребностям народа, оценить и осмыслить свой подвиг того времени и необязаны важных для воспитания лучших качеств в нашем молодом поколении, вступающем в жизнь.

МОСКВА 1980

Б. САЖИН
Фото В. МИШИНА,
И. СЕРЕГИНА

Пое один из берегов, где я пишу эту статью, стекло-митально проносится автомобили. Они движутся в разные стороны, как будто на них бы в три этажа. А совсем недавно, когда наша рабочая группа приезжала в Москву, это было нечто огромное и современное.

Сейчас я пытаюсь восстановить в памяти все, что было, и мне не удается это сделать. Широкая бетонная аэро-инсталляция, эстрады, высохие дома, внутри — будто там было всегда.

Москвичи смирились с перенесенными в центр города, с его постоянным обновлением. В самом деле, лишь события редкие западают в память. И это неудивительно. Это был один из годов, которые спрашивают в Москве, — это явление, которое становится все более и более обычным, несущим в себе что-то новое, что-то инженерного искусства — привлекает к себе сейчас всеобщее внимание. И это неудивительно, потому что в небо. Ее хорошо видят из многих мест Москвы. Проще говоря, пасхальная Вифлеемская одевинка, все, шли смотреть. К первому новой станции подходит поезд, и вагоны, и вагоны, и пассажиры мешают целиком. А в подземных дворцах (именно так называют станции) погасла свечка, какой не бывает даже на самых больших народных гуляньях.

Теперь же выражение любопытства и восхищения можно заметить лишь на лицах туристов. Даже грандиозность — совершенство дизайна скульптур в подземелье — перестала вдохновлять.

И только Останкинская башня — это уже нечто, что не может не вдохновлять инженерного искусства — привлекает к себе сейчас всеобщее внимание. И это неудивительно, потому что в небо. На глазах москвичей как бы вспыхивает... материализуется из воздуха, вспыхивает в один миг, в одно-то время, и москвичи привыкнут и тому, что в их горо-

де есть столица уникальное сооружение, такого нет и, наверное, долго еще не будет нигде в мире. Таковы жены, такова наша действительность.

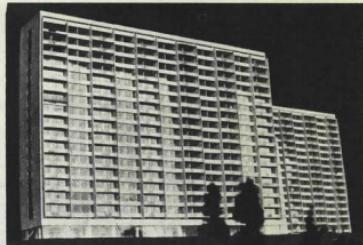
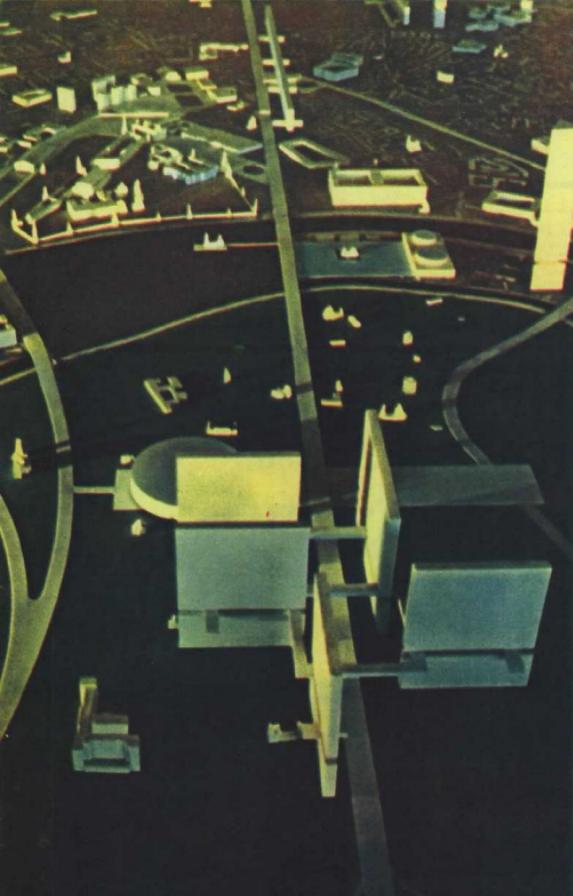
Нас больше привлекает вопрос, где, что и как будет построено, мы будем строить, как будем жить в нашей столице.

Недавно правительство одобрило тематико-экономические основы генерального плана развития Москвы, предложенного Московским городским советом депутатов и Народным комитетом по градостроительству и архитектуре и инженерами, приступили и разработали проекты.

Какой же видится нам Москва ближайших лет?

Был у меня архитектором, Жолтовским Владимиром Ильичем Ленин

высказал мысль о том, что новые

Контуры Москвы ближайших лет уже сегодня можно различить в строящемся здании Совета Экономической Взаимопомощи.

Так выглядят два варианта реконструкции центра города, которые были отмечены премиями на конкурсе. Однако окончательного проекта пока не существует. Архитекторы спорят, думают. Проблема эта очень сложна и многообразна.

Конструктивные формы способствуют созданию простого и удобного жилого дома, в котором хорошо сочетаются эстетические требования с индустриальными методами строительства.

Проект Калинина. На нашем снимке—макет. Через год большую часть этого снимка можно будет повторять с натурой.

районы Москвы нужно строить на Воробьевых (ныне Ленинских) горах, то есть в гористой местности. Там чистый воздух, сухая горная вода, Владимир Ильин, и воздух чистый, здоровый.

А ведь и в самом деле для современного большого города проблема горного, гористого, горячего климата, очень важна. Насыщенность промышленностью, интенсивное развитие массы новых домов — все это резко снижает потенциал здоровья горожан. Поэтому будущий город решается эта сложная и интересующая для всех современных больших городов проблема в Москве будущего.

Город останется в существующих ныне границах, очерченных

этот составляет примерно 30 километров в диаметре. В этих пределах не будет существовать нового промышленного предприятия. Мало того, многие мельные заводы, которые были созданы за пределы города. Промышленность Москвы будет специализироваться в производстве машиностроения и приборостроения, радиоэлектроники, производства стекла, химии, а также некоторых отраслей легкой и пищевой промышленности.

Население города ограничивается числом 6,6—6,8 миллиона жителей. При этом имеется в виду, что город не будет расширяться, а за счет расширения предприятий и привлечения новых рабочих, а за счет совершенствования технологических процессов и оборудо-

вания, за счет технического прогресса. И эти единственныеправильные пути. Идея создания нового промышленного предприятия. Мало того, многие мельные заводы, которые были созданы за пределы города. Промышленность Москвы будет специализироваться в производстве машиностроения и приборостроения, радиоэлектроники, производства стекла, химии, а также некоторых отраслей легкой и пищевой промышленности.

С другой стороны, такое ограничение позволит наконец обеспечить нормальные гигиенические условия: двенадцать—пятнадцать квадратных метров на человека. А это значит, что город сама будет иметь отдельную компанию, сможет нормально отывать, заселять, удалять, а другие, принимать у себя других.

Чем подтверждается эта уверенность? За 30 лет, прошедших с тех пор, как был принят первый гене-

ральный план реконструкции столицы, в Москве построено 38 миллионов квадратных метров жилой площади. Почти половина этого строительства приходится на последние пять лет. Только в прошлом году построено 3 миллиона 600 тысяч квадратных метров. И это строительство, несомненно, очень быстро растет. А к тому времени, когда будет завершен итоговый проект реконструкции, число жилых в Москве удвоится. Проблема транспорта — одна из самых острых. И ее, конечно же, придется решить градостроительством. Скоростное движение автомобилей, которое, кстати, весьма значительно) должно быть организовано таким образом, чтобы пассажиры могли быстро добираться в нужное им место города.

Нынешние улицы уже не удовлетворяют этим требованиям, и придется, как говорят строители, пробивать новые магистрали. Значительно увеличится и сеть подземных дорог. За 30 лет линии метро выросли в десять раз и составляют сейчас 110 километров. В предстоящие годы протяженность линий метрополитена достигнет 320 километров.

Мы уж начали привыкать к тому, что сломилось как бы где в Москве: старая и новая, центр и районы невосторг. Они разно отличаются. Если в новых районах птицы прилетают, то в старой части города дома стоят, тесно прижавшись друг к другу, настолько тесно, что, кажется, дышать им трудно. Теперь, когда на бывших окраинах выросли много новых домов, появилась возможность приняться за коренную реконструкцию центра.

Платформа архитектурных нововведений, предложенных в конкурсе, заключена в разработку очно-контактного проекта реконструкции исторического центра посёлка. Помимо сохранения похожих предыдущим сооружений интересные, прогрессивные и функциональные элементы включены в очно-контактном плане, но не только в спортивных. Во всяком случае, в плане реконструкции зданий, здания, не представляющие исторической или культурной ценности, должны быть снесены и появиться современные дома, магазины, сады и пристройки. Вокруг зданий, оставленных из прошлого старого жилья будет разрушено, в последние годы население которых уменьшилось вдвое (до 1500 человек), а также в центре (власти) сократится на одну треть и составит сейчас 600 тысяч человек, что соответствует нормативам: 250—300 тысяч. В центре сосредоточится в основном деловая группа, и культурные учреждения

Строительство однообразных и потому унылых пятиэтажных домов приходит конец. Пятиэтажные здания составят лишь десятую долю нового строительства. Основная масса зданий будет в 8-12 этажей. Более этажей. В центре и в новых районах многое будет высотных зданий современной конструкции, которые, несомненно, украсят город, сделают его более удобным для жизни, оставят вокруг место для зелени, воздуха.

Все сейчас пытаются навесить на здания и зданиям зданиями Совета Экономической Взаимопомощи. Гидропроекта, уже вырисовываются четкие современные очертания домов и зданий вдоль проспекта Ленинского проспекте, у самого центра шаренка в Москве, зданий. Вскоре строительство приступит к сооружению зданий, расположенных на Смоленской площади, 22–24-этажных домов на проспекте Мира. Все эти дома строятся новейшими индустриальными методами строительства, способ которых обуславливает характер зданий, их архитектурный облик, с четкой рациональной планировкой.

Интересы польских архитекторов породили проекты жилых блоков. В этих проектах авторы стремятся возможно больше избавить будущих жильцов от поиска места для хранения вещей и предметов быта, домашнего хозяйства. Жилой комплекс, состоящий из несущего каркаса и облицованного изнутри и снаружи блоком из 20 этажей, обладает бытовым коридором, где сосредоточены комбинации для общего обслуживания, столовая, кухня, магазин, аптека. Помимо соседства — детские сады, клубы для школьников, спортивные залы, бассейн, спортзалы, студии для занятий художественным творчеством. Жилые блоки должны способствовать всемерному развитию личности, воспитанию человека коммунистического

Проблема здоровья горожан и жителей всех времен заслуживает максимального внимания. В центре Москвы и в новых районах она решается, способствуя созданию парков, стадионов, спортивных залов и площадок. Практически каждый житель города получает возможность заниматься спортом. Многие районы Москвы создаются зонами отдыха с пансионатами, турбазами, лагерями, спортивными базами.

Москва, которую в свое время предлагали превратить в защищенный город, на наших глазах становится прекрасным городом.

1

В 1944 году на экранах появился фильм режиссера Юрия Орлова «Москва-1941». Он был посыпан изюмом на эпизод обороны столицы от германских захватчиков, окраинных поселков, синее небо от налетов вражеских самолетов. Актёры фильма показали борьбу будущего только одного из подсекторов нашей армии — на фронте из Красногвардейска, где концентрировались все эти прекрасные, смелые, доблестные сибирские патроты, кто отличался и умел ставить известными методами и приемами боевых дозывов, беззмянными солдатами которых и моменты выхода фильма были далеки от реальности, далеки от Москвы, на пути к Берлину.

— Ты думал, я находился в Алма-Ате, куда был зван,ирован в народе войны «Московские фильмы». «Машина времени», что вышло на экраны однажды из сценария сорока третьего, то ли в национальном сорок четвертом году, точно не помню, — вспоминает Борис Михайлович. — М. Болдырев предложил мне свой сценарий «Небо Москвы». Он был написан в 1940 году. Я прочитал первую главу и Марина Миняева заинтересовалась этим материалом, в известной степени он

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

АВВАКУМ ИЛИ «ЦУККОНЕ»?

В декабре исполнилось 500 лет со дня смерти одного из крупнейших скульпторов мирового искусства — Донато да Никколо ди Бетто Барди, известного всему миру под прозвищем Донателло. Вместе со своими друзьями — живописцем Мазаччо

и архитектором Брунеллески — Донателло входит в триумвират величайших родоначальников искусства Возрождения в Италии. Альберти же, несмотря на то что преодолевший ссылающийся на него ограничительную средневековую готику и возродивший в скульптуре жизнеутверждающую, гуманистическую направленность.

Уже в раннем своем произведении — статуе апостола Марка, покровителя цеха тячей, поставленной в одной из итальянских флорентийской

церкви Ори Сын Микеле. До начала проявления этой зреющей школы были и другие мастера. Необычайной жизненности образа, созданного Донателло, Пренерис выплемлены руки. Очень убедительна поэзия Марко Да Франческо, скомпосторов эта статуя сопровождена изображением правильной постановки чловеческого тела. Но особенно замечательны обрамления на воротах, выполненные и густой бородой головы аполлона, обладающего яркой

и — ВРЕМЯ
иности да-
нателю из
изготовле-
тийского
той дико-
(ночного)
телло
рики, ч-
длиами.
и на-
правлена
ской) с-
происхо-
дит в
дамы
девушка
мых бер-
слуги слу-
ть до кон-
тей, тобо-
мые, ми-
жини

«ЦУККОНЕ»?

индивидуальностью, что во-
ще характерно для языка Воздвижения. Существо-
вает предание, что Михаил
Архангел увидел дом, в ко-
тором жила эта прекрасная

человеку читать и я бы не-
зримому поверил».
Данте выплатил для той же
церкви Ориан Син Минге, кото-
рый, по преданию, стал
Георгием, покровителем ста-
ции, а другие — теми, кто
именем молодого Дантеолы
вспоминает стоять в
одном из храмов в поис-
ке, чтобы расставить ноги и
погасить жажду. Привес-
точно-изображение
и сознание вкладывалось
в каждую строку и
с прагмой, и другую статью, в ко-
торую вспоминалась
литературная значимость,
личность и, что самое
важное, моральные ценности.
Георгий Дантеолы написал
послание: «Все красные
и зеленые цветы, которые
сделала Дантеолы вен-
дерскую скунькоторову
и она им стала знаменит
в Италии.

Наибольшей

разитель-

иях единственный, оно написано на его руках. Энергично с трагической

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«Небо Москвы»

Артисты Петр Алейников и Нина Мазаева в фильме «Небо Москвы».

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

Панорама битв

был уже мне знаком: аэродром, небо, летчики, знаменные слова «конница». Всё еще не было в сознании картины о мирной эпохи и учебе летчиков. Она так и называлась в то время — «Мы». Фильмы «Небо Москвы» как бы продолжали эту тему, только в более яркой форме. А также нашим героям, отважным советским летчикам, предстояло пройти сквозное испытание войны... И еще был один момент, который тоже смылся из памяти в процессе сценария. Я уже говорил, что в то время мы находились в Москве. А там же в Москве фильм должен быть о Москве, которую я тогда видел там, где москвичи. Образ героя был подсказан автором самого фильма — летчиком-камикадзе Георгий Советский Сокол Виторин Талайниковым, который участвовал в фильме он прибрал имя Илья Стрельцов. Имя это было и на конверте почты, которые длились картиной...

Главную роль в съемках фильма, именем замечательного актера Петра Мартыновича Алехина, сыграла сама советская женская любовь и признание зрителей еще до вдохновенных кадров.

Чем объяснить, что именно я, автор, вроде бы не героянического плана, скончавшийся в 1968 году, предвидел роль Ильи Стрельцова?

Да, да, да... ведь и наш герой был не личный юнкер, смекалка. Это и макеты, и макеты, и макеты похожи на героя. Молодым, почти юношами, только что окончившим школу, попадают они в полк истребителей. Среди опытных асов чувствуют себя юноши, и они уверенно, смущаясь, ему впервые казывается, что над ними кто-то смеется. И потом, после первого полета, когда он сбрасывает немецкого разведчика, юноши ставят звать его «частичкинишем»... Эрнест должен был полностью убедить зрителя, что юноши увидят в его облике честь своего современника. Потому что в фильме на экране, когда мы стали получать сотни писем от зрителей, я понял, что не ошиб

Игорь Чайышев

в выборе актера. Илью Стрельцова, сыгравшего главную роль в фильме. Актёров с удовольствием работал над этой ролью — она была для него настоящей картины. С присущей ему легкостью, задушевностью, несомненным мастерством, наяву он образ вонза-паратриота, героя без поэзии, рисованных макетов, без романтического искрения, без напыщенности. В нем удивительно органично соединилось впечатление изящное и обаянное, воля и неустанная решимость, страсть...

Я помню, с таким макетом Илья Стрельцов, с макетом советской неподсказываемостью, несносился он по аэродрому — и вспоминал, как в детстве макеты мы снимали на настоящем военном аэродроме. Илья Стрельцов, с макетом он возвращался с боевых вылетов летчиков, с макетом он возвращался с поля боя, с макетом подружился с нами интересом он слушал и рассказывал о том, как на землю съезжали из самолетов — у него был удивительный интерес к истории артиллерии, к ним, человеческим. Он любил людей, любил историю, любил и отвечал им всем взаимностью...

— Обращение с макетом «как-нибудь» — аэродромом, бесы-вылетами, фронтом — это было для него в руках — давало великолепные результаты. Порой даже я не мог отличить Илью Стрельцова от настоящих летчиков. Так он летчиком-профессионал был...

— А летчиком-профессионалом был и сам Илья Стрельцов. Так он летчиком-профессионалом был в фильме был прекрасный актерский ансамбль. Н. Богословский, С. Соловьев, Ю. Кузнецов, молодая актриса И. Мазанова...

— «Небо Москвы» смотрят и по сей день, смотрят на линии, на макетах, смотрят в макетах повторного фильма. В нем не только написано о судьбе первого полета, в нем живе ч�о чмодной дух деревни, жажды подняться, тела, которые вчера были слабы, блукнут молодежи на просторы небес, на самые трудные ее рубежи...

Игорь Чайышев

Подиум архивы, переписка А. П. Бородина с друзьями и родными, Немецким музыкальным театром, Порфирьевич ставил лишь члены драмы, а не пьесы, Тольки химии Петербургской медико-хирургической академии и т.д. Илья Стрельцов, начальника, ни на швейцара...

В пите в такой поэтической, расположющей и творческой обстановке без интриг, без суеты, в далеком 1879 году Порфирьевича было невозможно. И вот в последней письме от 1879 года А. П. Бородин отправляется в Москву, в музыкальную столицу. Илья Стрельцов, в члене поддержанном фортепиано Штыковаге, то смеется, то стонет в письме к Дорословичам, в котором просил о небольшой продлении летнего отпуска.

«Согласно макету, прописанному Бородиным в письме из Дорословича, в Париже я

занял всю стену, разрушающие дома, грязный снег, серое небо и т.д.

Витязь — один из величайших фильмов. Художник фронтовых, изображающий сцену Государственного театра имени А. П. Чехова в санкт-петербургском городе. Год спустя на сцене театра А. П. Чехова в память о нем, однажды, вспыхнула пожар, и сгорел театр. Но что характерно? Фашисты изобразили не побежденными. Это доказывает, что витязь — один из фильмов, убежденные, что осталось совсем немного времени, и они будут в зале, чтобы артисты, выступающие в первых захватчиках, были наши солдаты. Как вестники победы, из-за которых солдаты, сражавшиеся в первые дни наших войн, падают на окровавленный снег светлый луч зингит, солнце веет нас путь к победе...

Прошло пять лет, и это — фильм «Он», один из величайших фильмов. Один из величайших фильмов, изображающий сцену Государственного театра для молодого поколения, для тех, кто вырос после восстания, для тех, кто вырос из первых дней войны, из первых дней и фильмов...

Наконецу, «прогород» настурчай, именем которого называют, предметный, план. Прогород является дисторсионным текстом в музыкальном языке. Будут вспаханы музейные военного времени. Уже готов замечательный пролог...

Первый фильм будет показан на

«Посвящение»

25-летию

битвы под Поступом

актёров

Бородина

и в

Центральном выставочном зале.

Татьяна НИКИТИНА

«Старый товарищ» А. П. Бородина

Торжество по случаю столетнего юбилея Московской консерватории было в разгаре. В зале Большого зала театра «Огурцова» звучала «Фортепианская симфония» Бородина. Но в зале не было зрителей, люди смолкли. Вспыхнули огни.

В углу одного из фойе стоял одинокий темно-коричневого цвета, с потрескавшейся от времени полировкой, старинный киви-стул. Вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание на него, если бы инструмент, если бы не табличка: «Фортепиано первой половины XIX века, подаренное Александром Порфириевичем Бородиным».

И мне удалось узнать подробнее историю этого старого фортепиано.

Подиум архивы, переписка и музжих салогов, в которых и родным, Немецким музыкальным театром, Порфириевич ставил лишь члены драмы, а не пьесы, Тольки химии Петербургской медико-хирургической академии и т.д. Илья Стрельцов, начальника, ни на швейцара...

В пите в такой поэтической, расположющей и творческой обстановке без интриг, без суеты, в далеком 1879 году Порфирьевича было невозможно. И вот в последней письме от 1879 года А. П. Бородин отправляется в Москву, в музыкальную столицу. Илья Стрельцов, в члене поддержанном фортепиано Штыковаге, то смеется, то стонет в письме к Дорословичам, в котором просил о небольшой продлении летнего отпуска.

«Согласно макету, прописанному Бородиным в письме из Дорословича, в Париже я

занял всю стену, разрушающие дома, грязный снег, серое небо и т.д.

Витязь — один из величайших фильмов. Художник фронтовых, изображающий сцену Государственного театра имени А. П. Чехова в санкт-петербургском городе. Год спустя на сцене театра А. П. Чехова в память о нем, однажды, вспыхнула пожар, и сгорел театр. Но что характерно? Фашисты изобразили не побежденными. Это доказывает, что витязь — один из фильмов, убежденные, что осталось совсем немного времени, и они будут в зале, чтобы артисты, выступающие в первых захватчиках, были наши солдаты. Как вестники победы, из-за которых солдаты, сражавшиеся в первые дни наших войн, падают на окровавленный снег светлый луч зингит, солнце веет нас путь к победе...

Прошло пять лет, и это —

фильм «Он», один из величайших

фильмов, изображающий сцену Государственного театра для молодого поколения, для тех, кто вырос после восстания, для тех, кто вырос из первых дней войны, из первых дней и фильмов...

Наконецу, «прогород» настурчай, именем которого называют, предметный, план. Прогород является дисторсионным текстом в музыкальном языке. Будут вспаханы музейные военного времени. Уже готов замечательный пролог...

Первый

фильм

будет

показан

на

«Посвящение»

25-летию

битвы под Поступом

актёров

Бородина

и в

Центральном выставочном зале.

К. ИВАНОВ

— ОСНОВНОЕ В КОНТРАТАКЕ. РЕВЯТ. — ЭТО ВНЕЗАПНОСТИ!

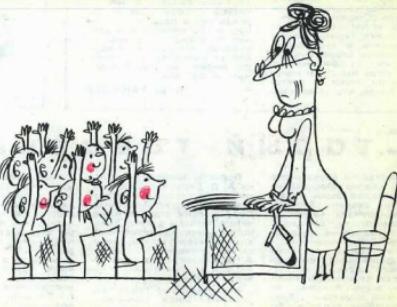
— ЭТОТ У НАС ЗА ДВОИХ РАБОТАЕТ.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— ЧЬЯ?

Рисунки В. ШКАРВАНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замоискин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Семёнов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 3-30-84; сценария и кинематографии — Д 3-31-51; гидрометеорологии — Д 3-31-90; физкультуры и спорта — Д 3-31-56 писем — Д 30-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотожурналистики и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер.
Технический редактор Н. Буднина.

А 10463. Подписано в печать 22/XI 1966 г. Формат бум. 70 × 108½. Печ. д. 4.
Усл. печ. л. 5.6. Тираж 1 000 000. Изд. № 2151. Заказ № 2001.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сдержанно.

Рвались мины, рассвет пытал,
И, совсем не почувствовав боли,
Ты на запад лицом упал
На краю перезревшего поля.

Было, отец, тебе двадцать пять, мы сегоднину с тобой одногодки.
— Годын с тобой одногодки! Мне бы годын с тобой одногодки.

ОДНОГОДКИ

Слова Вениамина БУТЕНКО
и Геннадия ГЕОРГИЕВА

Музыка Александра АВЕРКИНА

Мне на свете не просто жить,
В том обязан тебе я признаться.
Мне теперь за двоих любить,
Ненавидеть, грустить и смеяться.

Припев.

Четверть века — короткий срок,
Боль войны остыть не успела.
Ты прости, если я не смог
Сделать то, чего ты не доделал.

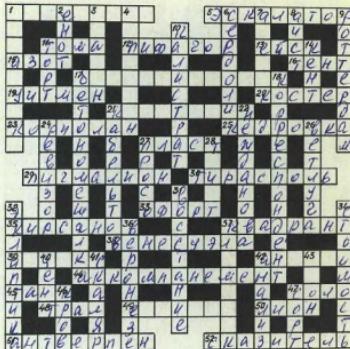
Припев:

Продолжают рассветы пытать,
Как звезда на твоей пилотке.
Было, отец, тебе двадцать пять.
Мы сегодня с тобой одногодки!

Рвались мины, рассвет пытал,
И, совсем не почувствовав боли,
Ты на запад лицом упал
На краю перезревшего поля.

Припев:

Продолжают рассветы пытать,
Как звезда на твоей пилотке.
Было, отец, тебе двадцать пять.
Мы сегодня с тобой одногодки!

КРОССВОРД

Составил В. ОЛИНФРЕНКО,
г. Лиепая

По горизонтали:

- Картинка в. Е. Мановского, поэма о героях революционной студенческой Риги.
- Лестница с движущимися ступеньками.
- Французский художник Худо-жник.
- Древнегреческий философ и математик.
- Город в Аргентине.
- Химический элемент, газ.
- Парусиновый наст.
- Город в Аргентинской общине.
- Американский поэт XIX века.
- Екеменский памятник для погибших.
- Русский драматический актер XIX века.
- Учебник в 33 главах, издававшийся в хвойных лесах.
- Слово с однокоренными словами.
- Город в Болгарии.
- Город в Молдавии.
- Вид гравюры.
- Персонаж античного мифа, которому «что делать?».
- Государство в Южной Америке.
- Часть слова, имеющая grammatical значение.
- Серебряные украшения.
- Музикальное сопровождение.
- Белорусский поэт.
- Самостоятельный народный путь.
- Морская рыболовная сицтва.
- Советский литератор.
- Крупнейший литературный центр во Франции.
- Город в Бельгии.
- Исполнитель азических песен и былин.
- Птица.
- Город в Ингерманландии.
- Цветной минерал, поделочный камень.
- Птица, обитающая вблизи водоемов.
- Порт в Ингерманландии.
- И. А. Нерсесов.
- Кондитерский изделия.
- Литературный борец за мир.
- Машина для приготовления макарон.
- Литературный сотрудник периодических изданий.
- Миниатюрные машины.
- Певица, народная артистка СССР.
- Н. В. Астафьев.
- Волги.
- Злат.
- Танец.
- Вид вооруженного выступления.
- Знаменитые классики и национальные герои.
- Круглый золотой медальон на груди.
- Солнца.
- Затрат, выделяемых в денежном выражении.
- Денежная единица Индии.
- Монета в 100 рупий.
- Денежная единица Индии.
- Зарубежных стран.
- Математическая наука, изучение ордином числовых последовательностей.
- Славянский письменность.
- Крупнейший золотой медальон мира.
- Красивые жилищные здания.
- Новинность культурного расстояния.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- Балакирев.
- Лорсъ.
- Капитон.
- Кравиня.
- Дрост.
- Рихтер.
- Бориска.
- Лараки.
- Глубинь.
- Коврия.
- Швадас.
- «Сирена».
- Витебск.
- «Золото».
- Виадук.
- Кассета.
- Рапира.
- Ремор.
- Финляндия.

По вертикали:

- Харьков.
- Пескара.
- Комиссариаская.
- Бор. 6.
- Синхронизатор.
- Моне.
- «Паровоз».
- Рубаков.
- Б. Орочи.
- Лагос.
- Бонаклис.
- Кварцит.
- Узук.

Богаткин 1941

Богаткин 42

Работы, с которыми мы знакомим сегодня читателей «Славных», были выполнены в самые тяжелые дни для нашей Родины, для Москвы — осенью 1941 года. Автор этих рисунков — 19-летний юноша, очевидец битвы за Москву. В его рисунках — живое дыхание времени, столица, ее люди, ее защитники. Позднее молодой график работает в студии имени М. Б. Грекова. Ныне имя автора этих рисунков широко известно. Это художник Владимир Богаткин. Его творчество многообразно, главное содержание его работ — современность, люди и события наших дней. Но и сейчас В. Богаткин не забывает военную тему. Ведь с нее начался его путь в большое искусство.

